

СОВЕТСКАЯ
ЦИВИЛИЗАЦИЯ

ВИКТОР
ГРИШИН

ГЕНСЕКИ
СССР

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПОРТРЕТЫ
ПЯТИ ГЕНСЕКОВ

Виктор Васильевич Гришин
Генсеки СССР. Политические
портреты пяти генсеков
Серия «Советская цивилизация»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=18116468

Генсеки СССР. Политические портреты пяти генсеков. /Гришин В. В.: Алгоритм; 2013

ISBN 978-5-4438-0486-6

Аннотация

Виктор Васильевич Гришин – крупный советский политический деятель. В 1952–1986 гг. он был членом ЦК КПСС: в октябре 1964 г. именно он подготовил текст заявления Н.С. Хрущева об уходе на пенсию, которое Хрущев и подписал.

В июне 1967 г. В.В. Гришин был избран первым секретарем Московского городского комитета КПСС, а в 1971–1986 гг. он являлся членом Политбюро ЦК КПСС. После смерти К.У. Черненко Гришин считался наиболее вероятным кандидатом на пост Генерального секретаря ЦК КПСС, но был отстранен М. Горбачевым от власти и лишен всех своих постов. Умер В. В. Гришин 25 мая 1992 г. в районном собесе, куда пришел оформлять пенсию.

В своей книге, написанной незадолго до смерти, Виктор Васильевич Гришин написал всю правду о той яростной борьбе, которая шла в Политбюро между «государственниками» и «либералами» и которая закончилась победой группы Горбачева, что привело в конечном итоге к разрушению СССР.

Свидетельства В.В. Гришина уникальны и представляют собой ценные материалы для дела о распаде Советского Союза – дела, рассматриваемого ныне судом истории.

Содержание

Часть 1	4
Н.С. Хрущев – из стороны в сторону	4
Л.И. Брежнев и его окружение	15
Ю.В. Андропов: «На каждого из вас у меня есть материалы»	28
К.У. Черненко. Болезнь прогрессировала...	32
М.С. Горбачев. Шесть лет предательства	33
А.Н. Косыгин. Добрая память	35
Часть 2	39
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Виктор Васильевич Гришин

Генсеки СССР. Политические портреты пяти генсеков

Часть 1

Политические портреты

Н.С. Хрущев – из стороны в сторону

Впервые я увидел Н.С. Хрущева на объединенном пленуме МК и МГК партии в 1949 году. На этом пленуме Г.М. Попов был освобожден от обязанностей первого секретаря МК и МГК ВКП(б). Горком партии был тогда подчинен обкому. Первым секретарем Московского обкома партии был избран Н.С. Хрущев.

Я входил в состав обкома ВКП(б) и принимал участие в работе этого пленума. На пленум пришли Г.М. Маленков, Н.С. Хрущев, М.А. Суслов. Г.М. Маленков сделал сообщение о решении Политбюро ЦК ВКП(б), поставившим вопрос об освобождении Г.М. Попова. Ему было предъявлено обвинение в командовании министерствами и союзными ведомствами, даче указаний министрам, а когда те не выполняли их – угрозах тем, что у него «найдется место», где можно «прижать министров». На пленуме говорилось, что Г.М. Попов ведет себя нескромно, проявляет администрирование, грубость и бестактность по отношению к людям, подчиненным работникам.

Затем на пленуме выступил Г.М. Попов. Он признал допущенные им ошибки и недостатки в работе (Г.М. Попов совмещал посты секретаря ЦК ВКП(б), первого секретаря МК и МГК партии, председателя Мосгорисполкома). Он говорил о своей преданности партии, о том, что сделает надлежащие выводы из постановления Политбюро ЦК ВКП(б), считает правильным решение об освобождении его от обязанностей первого секретаря обкома и горкома партии.

На пленуме выступил Н.С. Хрущев. По предложению Г.М. Маленкова он и был избран первым секретарем Московского обкома ВКП(б).

Г.М. Попова позже назначили министром городского строительства СССР, но вскоре перевели директором машиностроительного завода во Владимир.

Н.С. Хрущев, будучи избранным первым секретарем МГК ВКП(б), оставался секретарем и зав. орг. отделом ЦК ВКП(б).

В начале 1950 года я был переведен с должности первого секретаря Серпуховского горкома партии на работу в Москву, в МК ВКП(б) на должность заведующего отделом машиностроения.

В 1952 году по предложению Н.С. Хрущева я был избран вторым секретарем Московского обкома партии. Несколько летя работал под его непосредственным руководством.

* * *

В печати часто представляют Н.С. Хрущева чуть ли не как гонителя творческой интеллигенции. Это неверно. У него были добрые отношения с писателями, такими как К. Федин, А. Фадеев, А. Твардовский и многими другими, не говоря уже о М. Шолохове. Он поддер-

живал талантливых композиторов, художников, артистов, открыто высказывал свои суждения о произведениях литературы и искусства, но никаких гонений на деятелей культуры не учинял.

Поэт А. Вознесенский и некоторые другие неверно описывают встречу с деятелями культуры в Кремле. Я был на этой встрече. Н.С. Хрущев резко, но несомненно правильно поправил А. Вознесенского, когда он в конце своего выступления сказал: «Я считаю себя учеником В.В.Маяковского. Он был беспартийным поэтом. Я тоже беспартийный и горжусь этим» (пишу по памяти). Никита Сергеевич здесь вскипел. Встал с председательского места и резко сказал примерно так: «Нашел чем гордиться, он, видите ли, беспартийный. Просто так в партию каждого не принимают, это надо заслужить борьбой за коммунистические идеалы, огромным трудом на благо Родины и народа. В партию принимают только самых лучших людей». Вознесенский сник и сошел с трибуны.

Каких-то других резких выпадов против работников литературы и искусства не было.

У Н.С. Хрущева были отличные отношения со многими артистами, кинематографистами – Козловским, Гнатыком, Руденко, Зыкиной, Герасимовым и многими другими.

Сейчас пишут и о якобы недостойном поведении Никиты Сергеевича на выставке картин художников-авангардистов в Манеже в начале 60-х годов. Я также был на просмотре выставленных картин. Остановившись у некоторых картин, Н.С. Хрущев действительно говорил, что он не может понять, что изображает картина абстракциониста. «Как корова хвостом прошла по полотну», – говорил он. Но он не кричал, не ругался. Просмотр прошел спокойно...

Н.С. Хрущев проявлял терпение и уважительное отношение к т. н. «инакомыслящим» писателям. Приведу следующий факт. После приема А. Твардовского, который очень поддерживал творчество Солженицына и просил опубликовать его повесть «Один день Ивана Денисовича», Никита Сергеевич поручил размножить повесть и разослать ее членам и кандидатам в члены Президиума ЦК. Затем он поставил этот вопрос на обсуждение Президиума, и было принято решение опубликовать это произведение. Подобных примеров немало.

Никита Сергеевич был человеком очень общительным. В воскресные дни он приглашал на госдачу в Огарево членов Президиума ЦК с женами. Мы гуляли по парку, беседовали, вместе обедали. Это, конечно, сближало нас, способствовало взаимопониманию, помогало работе. Иногда летом Н.С.Хрущев организовывал коллективный воскресный отдых на правительственной даче в Семеновском, что в 80 километрах от Москвы по Каширскому шоссе. Приглашались руководители партии и правительства, министры, депутаты, рабочие Москвы, работники сельского хозяйства Подмосковья, деятели культуры и науки, послы зарубежных стран с женами или мужьями. Все чувствовали себя просто, непринужденно. Кто-то ловил рыбу в прудах, кто-то сидел в тени деревьев, кто-то прогуливался по большому парку. Потом устраивался обед под брезентовым тентом и концерт мастеров искусств. К вечеру приглашенные разъезжались по домам. Такие встречи давали широкую возможность общения, были приятными и полезными.

Нельзя согласиться с публикацией писателя Тендрякова в журнале «Новый мир» за сентябрь 1988 г., где он нелестно отзывается об одной такой встрече в Семеновском и вообще о Н.С. Хрущеве. Видимо, у него было плохое настроение – все описание выглядит слишком односторонне и тенденциозно.

* * *

А вот воскресные дни на загородной даче в Огарево далеко не всегда посвящались семейному отдыху членов Президиума и секретарей ЦК КПСС. Чаще собирались для обсуждения и решения проблем внутренней жизни партии и страны, внешнеполитической дея-

тельности. Заседания проводились обстоятельно, время не торопило, вопросы всесторонне обсуждались, принимались обдуманные, взвешенные решения.

Так, в конце лета 1962 года в одно из воскресений на даче в Огарево состоялось заседание Президиума ЦК партии, на котором обсуждался вопрос о положении, складывавшемся вокруг Кубы. Н.С. Хрущев подробно изложил обстановку. США угрожают Кубе непосредственным военным нападением, а руководство Кубы встревожено, просит совета и помощи.

Кроме того, США окружили Советский Союз сетью военных баз с ракетно-ядерным оружием, боевыми самолетами и военно-морскими средствами, способными осуществить ракетно-ядерное нападение на нашу страну и наших союзников. Военные базы, оснащенные средствами нападения, размещены на территориях Англии, ФРГ, Норвегии, Испании, Италии, Турции, Пакистана, Южной Кореи, Филиппин и других стран. Боевые корабли, авианосцы постоянно находятся недалеко от наших берегов в Атлантическом, Тихом и Индийском океанах, Средиземном море.

Что нам делать в этих условиях? Как помочь Кубинской республике защититься от угрозы американского нападения? После длительного и всестороннего обсуждения было решено, наряду с дальнейшими мерами по укреплению обороны нашей страны, мероприятиями по дипломатической линии, попытаться поставить на Кубу ракеты класса земля-земля, земля-воздух и небольшое количество атомных зарядов к ним. При этом ракеты с ядерными зарядами должны были находиться только в ведении советских военных инструкторов.

Н.С. Хрущев достал из папки подготовленный министерствами обороны и иностранных дел проект решения по этому вопросу, подписал его сам и попросил подписать всех присутствовавших на заседании членов и кандидатов в члены Президиума и секретарей ЦК КПСС. Решение было подписано присутствовавшими.

Потом министерство обороны и министерство морского флота СССР начали отправку на гражданских грузовых судах ракет и небольшого числа ядерных боеголовок к ним. Каким-то образом отправка оружия на Кубу стала известна администрации США, и по приказу президента США Д. Кеннеди была организована морская блокада острова. Были поставлены сплошной цепью военные корабли США, готовые вести бой с применением ядерного оружия. Создалось крайне напряженное, критическое положение. Наши теплоходы были остановлены и стояли в океане перед армадой военных кораблей США, готовых к боевым действиям.

Нужно было искать срочный выход из создавшегося положения.

На Кубу был направлен А.И. Микоян. Он вел переговоры с Фиделем Кастро и другими кубинскими руководителями. Кажется, вел переговоры и с президентом США, но основные переговоры, срочные и напряженные, вел через наше посольство в Вашингтоне и через американское посольство в Москве сам Н.С. Хрущев. Президиум ЦК заседал почти непрерывно несколько дней. Зачитывались шифрограммы из Вашингтона, послания Кеннеди. Н.С. Хрущев диктовал шифрограммы президенту США, предлагая различные варианты выхода из кризиса.

В это время умерла жена А.И. Микояна. Ему на Кубу была послана телеграмма с решением вернуться в Москву для похорон супруги. Но он прислал шифрограмму, в которой сообщил, что останется на Кубе, учитывая крайне сложную обстановку и необходимость его присутствия в республике для содействия в разрешении кризиса.

По сообщениям из Гаваны Ф. Кастро нервничал, болезненно переносил переговоры советского руководителя с президентом США, как бы минуя кубинское руководство.

В течение нескольких дней велись интенсивные переговоры Москва-Вашингтон об условиях преодоления кризиса. При этом все нужно было согласовать с Ф. Кастро, который не со всем соглашался. Необходимо было убедить его проявить большую гибкость. Ф.

Кастро проявлял упорство в этом вопросе, за что Н.С. Хрущев назвал его «бородатое дитя». Наконец, была достигнута договоренность между СССР и США (с согласия кубинской стороны) о том, что советские суда возвращаются домой, ракеты и ядерные боеголовки на Кубе не устанавливаются. Блокада острова снимается.

Американская сторона (Д.Кеннеди) дает заверения в том, что никакого военного нападения на Кубу с территории США совершено не будет. Когда все это было решено и советские теплоходы стали возвращаться в свои порты, все мы, наконец, облегченно вздохнули. На заседании президиума ЦК Н. С. Хрущев сказал, что в эти дни Карибского кризиса со всей остротой почувствовал огромную ответственность перед страной, советским народом, всем миром за прямую опасность возможности возникновения ядерной катастрофы, что только теперь, когда кризис миновал, он, наконец, вздохнул полной грудью. Все мы разделяли это его высказывание, ибо каждый из нас также сознавал и долю своей ответственности за возможные трагические последствия военного столкновения двух великих держав.

Осмысливая события Карибского кризиса 1962 года, хочу сказать, что кризис явился тяжелым испытанием, что он принес боль, в какой-то мере ухудшил отношения с кубинским руководством, был связан с затратами больших средств, однако действия советского руководства, усилия Н.С. Хрущева принесли и положительные результаты. Главным из них является то, что социалистическая Куба была сохранена, предотвращена военная интервенция против нее. Удалось избежать кровопролития, которое было бы неизбежным при готовящемся нападении на Кубу со стороны США. Кубинская республика живет, идет по социалистическому пути, и это очень важно.

* * *

Н.С. Хрущев немало делал для развития хороших отношений с социалистическими странами, а также капиталистическими государствами. У него установились и личные контакты с руководителями многих стран. Он бывал во всех социалистических странах, США, Великобритании, ФРГ, Франции, Швеции, Австрии, Индии и др. странах. Не раз вел переговоры с президентами США Д. Эйзенхауэром и Д. Кеннеди, а также с лидерами других стран – Мао Цзэдуном, Неру, Тито и т. д. При его активном участии был заключен договор с США, Англией и Францией о нераспространении ядерного оружия, другие важные соглашения и договоры. Были восстановлены отношения с Югославией.

Он по своей натуре был горяч, резок, тороплив. Иногда допускал оплошности, высказывания и действия, которые руководителю великого государства непозволительны. Как пример можно привести его поведение в ООН в Нью-Йорке, когда он, будучи не согласен с каким-то выступлением, снял с ноги ботинок и стучал им по столу.

Вспоминается и такой случай. Находясь в Румынии во главе партийно-государственной делегации (в составе которой был и я) в 1961 или в 1962 году, он при встрече с членами Политисполкома ЦК Румынской компартии стал резко критиковать положение в сельском хозяйстве этой страны. Он говорил, что румынские крестьяне забивают свиней весом в 60–70 кг., тогда как надо их вес доводить до 100 кг. Что в стране получают низкие урожаи кукурузы. При этом приводил цифры из подготовленной для него помощниками справки. Это вызвало бурную реакцию румынских руководителей. Генеральный секретарь ЦК РКП Георгиу-Деж заявил, что данные Н.С. Хрущева о положении в сельском хозяйстве Румынии неверные. Особенно активно и резко возражал против высказываний советского руководителя бывший тогда членом Политисполкома и секретарем ЦК РКП Николае Чаушеску (Н.С. Хрущев называл его «Николай быстрый»). Он привел статистические данные об урожайности и продуктивности в сельском хозяйстве республики, которые опровергали данные Хрущева, говорил о суверенитете страны и их праве оценивать положение в стране (в частности, в

сельском хозяйстве). Н.С. Хрущев стал рассуждать о том, что при социализме забота о делах одной страны должна быть заботой всего содружества стран. Что социалистические государства должны составлять как бы сообщество, объединенное в единый союз. Эти его рассуждения у румынского руководства поддержки не нашли. Разошлись мы с этой встречи недовольные друг другом. Румынские товарищи не скрывали своей обиды. Я и другие члены делегации переживали и сожалели, что на пустяках Н.С. Хрущев осложнил отношения с руководителями Румынии.

Вспоминаю и такой случай, когда в ходе визита в нашу страну Иосифа Броз Тито за обедом, якобы в шутку, Никита Сергеевич говорил ему: «а вы, югославы, все-таки ревизионисты». Наш гость отшучивался. Но все же это была бестактность.

Ухудшению наших отношений с Китаем в значительной мере способствовала бестактность по отношению к Мао Цзэдуну, которого Н.С. Хрущев публично называл «старой калашей» и награждал другими эпитетами. Вместе с тем на праздновании 40-летия Октябрьской революции в 1957 г. Н.С. Хрущев проявлял повышенное внимание в президиуме посвященного празднику торжественного заседания во Дворце спорта в Лужниках, где присутствовали делегации многих стран, к Мао Цзэдуну, возглавлявшему китайскую делегацию. Он водил китайского гостя под руку, прямо-таки с чисто восточным почтением и показным уважением.

Потом в 1960 году из Китая были отозваны все советские специалисты, отношения с руководством КНР продолжали ухудшаться, были прекращены поставки оборудования и материалов, что привело практически к прекращению взаимоотношений между нашими странами. Однако при этом надо оговориться: причиной отзыва специалистов было и то, что в Китае в это время развернулась широкая антисоветская кампания и нашим людям создавались невыносимые условия для работы и проживания в этой стране.

И все же Н.С. Хрущевым было немало сделано для укрепления международного положения СССР, для обеспечения мира и безопасности, укрепления союза социалистических стран. В противовес созданному западными странами по инициативе США военному союзу НАТО был создан Варшавский договор – оборонительный союз европейских социалистических стран, что имело важное значение для сдерживания агрессивных планов Запада. Когда осложнилось положение Берлина и через его западную часть усилились провокации против демократического Берлина и всей ГДР, по предложению Никиты Сергеевича наши друзья из Германской демократической республики в короткий срок возвели стену между западной и восточной частью Берлина, тем самым укрепили границу и обезопасили не только свою столицу, но и всю республику от подрывных действий спецслужб и военной разведки со стороны ФРГ и США.

Н.С. Хрущев был инициатором перестройки концепции обороны страны, всего социалистического лагеря. Он считал главным оборонительным оружием ракеты различного класса и межконтинентальные ракеты с ядерными боезарядами, способные предотвратить военное нападение со стороны США.

При нем развернулась большая работа по конструированию и производству ракет различного назначения: «земля-земля», «земля-воздух», легкие – ближнего боя, и тяжелые – межконтинентальные.

В короткие сроки было достигнуто равновесие и даже превосходство в ракетно-ядерном оружии с США. Это было большим и важным достижением, охлаждавшим воинственный пыл американских, да и западноевропейских генералов и политиков. Вместе с тем Никита Сергеевич, надо полагать, ошибочно считал, что для обороны страны не нужны авиация и военно-морской флот, что их заменит ракетное оружие. Поэтому при нем были резко свернуты работы по созданию современных боевых самолетов, боевых кораблей. Потом уже (после него) пришлось срочно поправлять положение, наверстывать упущенное, догонять

ушедшие далеко в этом деле западные страны, особенно США. Разрыв нашего отставания в мощности военно-морского флота не ликвидирован еще до сих пор.

* * *

Если говорить о наших внутренних делах, то следует упомянуть, что Н.С. Хрущев много занимался вопросами строительства, особенно жилищного. По его инициативе в стране широко стали применяться в строительстве детали и конструкции из железобетона заводского изготовления. Получила большое развитие промышленность строительных материалов и конструкций. Даже при строительстве зданий из кирпича он рекомендовал применять крупные кирпичные блоки, изготовленные на заводах (потом этот метод не получил развития).

Массовое строительство жилых домов и объектов соцкультбыта, строительство по типовым проектам позволило быстрее решить жилищную проблему. Десятки миллионов людей получили благоустроенное жилье, и это очень большое дело.

Сегодня раздаются голоса архитекторов, писателей и журналистов об однообразии облика наших городов, бедности архитектуры и т. п. С этим можно согласиться (особенно когда сам критикующий неплохо устроен с жильем), но острую жилищную проблему невозможно было бы решить, если бы отказались от промышленных унифицированных методов строительства и перешли на штучную работу, сооружение каждого здания по индивидуальным проектам. На это в то время пойти было невозможно...

Н.С. Хрущев был по натуре реформатором. Им была осуществлена (в числе прочих) экономическая реформа. Были упразднены министерства и созданы территориальные совнархозы. Многие вопросы управления из центра были переданы в республики. Эта реформа сначала положительно сказалась на развитии промышленности страны, способствовала демократизации управления, повышению социальной активности людей. Ускорились темпы роста производства и производительности труда. Стало неизмеримо больше выделяться средств на социально-культурные нужды. В условиях совнархозов многие области, края и республики стали быстрее развиваться, лучше решать проблемы экономического и культурного роста.

Но со временем стали проявляться отрицательные тенденции. Внимание местного руководства стало направляться на решение не общегосударственных задач, а местных интересов. В частности, можно привести пример Москвы и Московской области. Если до образования совнархозов, например, в текстильной промышленности, существовало распределение производства в общем комплексе, когда в области перерабатывалось сырье, изготавливались суровые ткани, а в Москве эти ткани отделывались, после чего шли потребителю, то в условиях функционирования совнархоза в городах области были созданы свои отделочные производства, предприятия стали закомбинированными, выпускающие готовую, конечную продукцию. В результате нарушились сложившиеся многими десятилетиями производственные связи и, например, мощная ситценабивная фабрика в Москве, отделочная фабрика комбината «Трехгорная мануфактура» стали заниматься отбеливанием марли, а отделочное и красительно-печатное производство остались незагруженными. Это как пример.

Вообще в стране начали нарушаться давно сложившиеся отраслевые и межотраслевые связи предприятий различных регионов. Как тогда говорили специалисты, «мы потеряли отрасли».

Попытки Н.С. Хрущева укрепить централизованное планирование, управление отраслевого развития производства посредством создания различных государственных отраслевых комитетов, не наделенных правами управления, результатов не дали. Положение в промышленности усложнилось, появились большие диспропорции в развитии народного

хозяйства и другие негативные явления. Таким образом, идея создания совнархозов себя не оправдала. Они становились тормозом развития промышленности и других отраслей народного хозяйства...

Много внимания Н.С. Хрущев уделял сельскому хозяйству. Он ставил задачу укрепления совхозов и колхозов, стремился к их укрупнению с целью широкого внедрения высокопроизводительных машин, исключения тяжелого ручного труда. Исходя из стремления создать благоприятные условия проживания сельских жителей, вынашивал идею создания агро-городов с жилыми домами, обеспеченными всеми видами коммунального обслуживания, средними общеобразовательными школами, больницами, поликлиниками, детскими дошкольными учреждениями, домами культуры и кинотеатрами, спортивными сооружениями и т. п.

Но при этом он исходил из того, что жители агрогородов не должны иметь личного подворья, огородов и скота, дабы все внимание людей было направлено на общественное производство. В результате колхоз или совхоз должны полностью удовлетворять потребности людей в продовольствии, а потребкооперация – в товарах народного потребления. Все деревни и села при этом предполагалось снести, а жителей переселить в агрогорода.

Эта идея начала осуществляться в начале 60-х годов и создала большие трудности в сельском хозяйстве. В связи с ликвидацией личных подворий, огородов и скота в личном хозяйстве колхозников и рабочих совхозов сократились заготовки сельскохозяйственных продуктов, ухудшилось обеспечение сельских и городских жителей продуктами питания, люди еще больше стали уходить из села в город, появились так называемые «неперспективные деревни». Таким образом, вместо улучшения, положение в сельском хозяйстве значительно ухудшилось.

* * *

Просчеты в сельском хозяйстве и насаждение командных методов привели к тому, что сократилось производство продукции. Стали закупать за рубежом не только сахар, но и зерно, продукцию животноводства. Все это отрицательно влияло на настроения людей, вызывало недовольство, критику руководства в центре и на местах. Поездки в зарубежные страны всей семьей (с детьми, зятем и внуками), показ этих поездок по телевидению, освещение в печати, присвоение сыну Сергею в 27 лет звания Героя Социалистического Труда, строительство особняков на Ленинских горах и переезд туда на жительство семьи Хрущева, а также других членов Президиума ЦК, необдуманные высказывания и поступки главы правительства, – все это порождало критику в его адрес, слухи и анекдоты. Одним словом, никак не способствовало укреплению его личного авторитета, а также престижа Правительства и ЦК партии.

В руководящих органах, да и на местах устали от бесконечной перетасовки кадров. Часто менялись секретари ЦК, члены правительства, секретари обкомов партии и другие работники. Это создавало неуверенность кадров в своем положении, снижало их активность и инициативу в работе. Люди привыкали работать только по команде сверху.

Вообще Н.С. Хрущев страдал подозрительностью к людям, недоверием к работникам, боялся посягательств на его положение, на власть. Я в какой-то мере объясняю этим факт ареста, осуждения и расстрела Берия. В осуждении его несомненно присутствовала боязнь Н.С. Хрущева того, что Берия мог оказаться наверху пирамиды власти. Никита Сергеевич не раз рассказывал, как после констатации смерти Сталина на ближней даче в присутствии всех членов Президиума ЦК Берия, не поговорив ни с кем, вышел из комнаты, громко крикнул «Хрусталев, машину!» и сразу уехал в Комитет госбезопасности.

Видимо, уже тогда у Н.С. Хрущева утвердилась решимость устранить Берия. После похорон Сталина Никита Сергеевич начал переговоры прежде всего с Маленковым (тот был в дружбе с Берия), потом с другими членами Президиума ЦК. Он провел всю подготовительную работу по обсуждению на Президиуме ЦК, аресту, осуждению судом военного трибунала Берия к высшей мере наказания – расстрелу. К этому были привлечены генералы К.С. Москаленко, П.Ф. Батицкий, которым вскоре были присвоены звания маршалов Советского Союза, маршал И.С. Конев и некоторые другие.

Борьбой за власть следует объяснить и дело т. н. антипартийной группы Молотова, Маленкова, Кагановича и др., их исключение из партии, освобождение от руководящих постов.

Они хотели сместить с поста Первого секретаря ЦК Н.С. Хрущева, но он сумел так организовать дело, что на июньском пленуме ЦК партии в 1957 г. добился устранения почти всех членов Президиума ЦК, а сам укрепился на постах Первого секретаря ЦК, Председателя Совета Министров СССР.

По рассказу Н.С. Хрущева, на заседании Президиума ЦК, предшествующем пленуму ЦК, при обсуждении вопроса о сложившемся положении в Президиуме ЦК партии Молотов и Маленков в ответ на критику в их адрес сказали: «Что же, теперь нас окружают танками?».

Тут же встал маршал Г.К. Жуков и возразил: «Я протестую против этого разговора. Танки движутся только по моему приказу!». Это заявление сильно встревожило Никиту Сергеевича. Кроме того, ему стало известно, что в дни, когда заседал Президиум ЦК и шла борьба, к Г.К. Жукову зашел К.С. Москаленко и сказал: «Георгий Константинович, бери власть».

Опасаясь за свое положение, Н.С. Хрущев решил отстранить маршала Г.К. Жукова от поста министра обороны СССР и вывести его из состава членов Президиума ЦК партии.

Во время, когда маршал Жуков в 1957 году находился с визитом в Югославии по приглашению министра обороны этой страны, в Москве был созван пленум ЦК КПСС, обсуждавший вопрос о Г.К. Жукове. С докладом выступил секретарь ЦК КПСС М.А. Суслов, который обвинил маршала в бонапартизме, грубости, бестактности, высокомерии, пренебрежительном отношении к своим подчиненным, товарищам по работе. Очень резко по отношению к Жукову выступил начальник Главного политического управления Советской Армии и Военно-морского флота генерал-полковник А.С. Желтов. Он говорил, что министр обороны не считался с политическими органами и партийными организациями в армии и на флоте. Он нескромен, груб, заносчив и т. п.

Мне особенно запомнилась речь Маршала Советского Союза К.К. Рокоссовского. Этот скромный, обаятельный человек рассказал, как в ходе битвы под Москвой в октябре-ноябре 1941 года в его дивизию приезжал или звонил по телефону из Москвы Г.К. Жуков, каждый раз бранился, угрожал расстрелом. А он и так каждодневно мог быть убит на фронте. «И вот вдруг меня вызывает в Москву Сталин. Я очень забеспокоился. Уж если Жуков угрожает мне расстрелом, то наверное из поездки к Сталину мне живым не возвратиться. Но И.В. Сталин принял меня как великий полководец. Он подробно расспросил о положении на моем участке фронта, в чем нуждаются войска, внимательно выслушал мои ответы и соображения. Я уехал из Кремля воодушевленным. Вскоре дивизия получила подкрепление людским составом, боеприпасами и вооружением».

В фойе зала заседаний пленума была выставлена картина, изображающая Жукова на белом коне, портреты маршала. Пленум ЦК принял решение: вывести Г.К. Жукова из членов Президиума ЦК партии и освободить его от обязанностей Министра обороны СССР. Новым министром обороны был назначен Маршал Советского Союза Р.Я. Малиновский.

Возвратясь из Югославии, Г.К. Жуков сильно переживал случившееся, говорил: «ведь мы недавно расстались друзьями»...

* * *

Разделение обкомов партии на промышленные и сельскохозяйственные также породило много трений между партийными органами. Колхозы и совхозы лишались помощи со стороны промышленных предприятий. Возникали взаимные претензии одних парторганов к другим. Положение партии становилось нестабильным.

Нарастало недовольство деятельностью руководства партии и правительства. Все более активно и открыто стали высказываться соображения о необходимости изменений в центральном руководстве.

Теперь часто пишут и говорят о каком-то заговоре против Н.С. Хрущева. Как свидетель и в какой-то мере участник тех событий должен сказать, что никакого заговора (как пишут, «дворцового») не было. Просто созрели условия, возникла острая необходимость изменений в высшем руководстве партии и страны. В ЦК партии образовалась группа деятелей, взявших на себя непростую задачу – заменить Н.С. Хрущева на посту Первого секретаря ЦК и Председателя Совета Министров СССР. Это было рискованное дело, связанное с возможными тяжелыми последствиями в случае неудачи. Идейным (если можно так сказать) вдохновителем этого дела являлся Н.В. Подгорный – член Президиума и секретарь ЦК. Практическую работу по подготовке отставки Н.С. Хрущева вел Л.И. Брежнев, являвшийся, по существу, вторым секретарем в ЦК партии. Он привлек к подготовке этой акции секретарей ЦК П.Н. Демичева, А.Н. Шелепина, министра обороны СССР Р.Я. Малиновского, председателя КГБ В.Е. Семичастного, А.Н. Косыгина. Лично переговорил по этому поводу с каждым членом и кандидатом в члены Президиума ЦК, и, в частности, со мной. Просил меня поддержать это решение (ибо я представлял многомиллионную организацию, будучи председателем ВЦСПС). Я согласился с Л.И. Брежневым, при этом выразив мнение, что может быть установить для Н.С. Хрущева какую-то почетную отставку. Когда я вернулся от Л.И. Брежнева, мне позвонил П.Н. Демичев, попросил зайти к нему. При встрече он стал рассказывать о намерении группы товарищей поставить вопрос об освобождении Н.С. Хрущева от занимаемых им постов. Я сказал, что знаю об этом, что об этом со мной говорил Л.И. Брежнев. Демичев выразил свое удовлетворение, заявив: «Я очень рад, что мы вместе».

Вскоре, в октябре 1964 года собрался в Кремле Президиум ЦК партии. С мест были вызваны члены и кандидаты в члены ЦК, члены Центральной ревизионной комиссии. Когда шло заседание Президиума, они находились в зале пленумов ЦК, в Кремле. На заседании было решено, чтобы Л.И. Брежнев позвонил по телефону на госдачу в Пицунду, где отдыхал Н.С. Хрущев, и пригласил его прилететь в Москву на заседание Президиума ЦК. Войдя в соседнюю комнату, Л.И. Брежнев быстро созвонился с Н.С. Хрущевым и передал ему просьбу срочно прилететь в Москву. После некоторых колебаний Н.С. Хрущев согласился прибыть на заседание.

Прямо с аэродрома Внуково Н.С. Хрущев вместе с А.И. Микояном (он был в то время Председателем Президиума Верховного Совета СССР и находился с Хрущевым в Пицунде) приехали в Кремль и пришли в зал заседаний Президиума ЦК.

Мы все сидели на своих местах. Н.С. Хрущеву предложили, как и прежде, председательствовать на заседании. Первым выступил Л.И. Брежнев. Он рассказал, что в партии и стране накопилось много претензий к работе Н.С. Хрущева, как Первого секретаря ЦК, Председателя Совета Министров СССР. В этих условиях целесообразно, чтобы он подал в отставку и ушел на пенсию. Далее Н.С. Хрущев предоставлял поочередно слово всем членам и кандидатам в члены Президиума ЦК. Каждый отмечал недостатки и ошибки в работе Первого секретаря ЦК, предлагал ему подать заявление об уходе на пенсию. Лишь один А.И. Микоян, не возражая против освобождения Никиты Сергеевича от занимаемых постов,

рекомендовал утвердить его министром сельского хозяйства. На заседании выступал и я. Говорил, что по возрасту Н.С. Хрущеву уже трудно выполнять возложенные на него обязанности, что он стал почти недоступен для решения вопросов, возникающих у руководящих товарищей, даже входящих в состав Президиума ЦК, и что в сложившейся обстановке ему целесообразно перейти на пенсию.

Последним выступил Н.С. Хрущев. Он выразил признательность всем товарищам за критические замечания в свой адрес, посетовав на то, что мы раньше этих замечаний ему не высказывали. Говорил, что все свои силы, опыт, жизнь он посвятил партии. Был и будет до конца ей верен (здесь он заплакал). Сказал: пусть подготовят заявление о переходе на пенсию, которое он подпишет. Президиумом было поручено мне и секретарю ЦК Ильичеву Л.Ф. подготовить такое заявление. Оно было составлено, Никита Сергеевич его подписал.

Заседание Президиума ЦК было продолжено уже после ухода Н.С. Хрущева. Л.И. Брежнев предложил выдвинуть на пост Первого секретаря ЦК Н.В. Подгорного. Но тот отказался, сказав, что на этот пост надо рекомендовать Л.И. Брежнева. Такое решение было принято, и мы пошли проводить пленум ЦК. Пригласили Никиту Сергеевича. Он пришел, накинув на плечи габардиновое светлое пальто. Сел в президиум в конце стола. Вид у него был как у больного человека. Пленум вел Л.И. Брежнев. С докладом выступил М.А. Суслов. Он доложил о заявлении Н.С. Хрущева о переходе на пенсию, о решении Президиума ЦК по этому вопросу и внес предложение освободить Н.С. Хрущева от обязанностей Первого секретаря ЦК, члена Президиума ЦК партии и Председателя Совета Министров СССР (этот вопрос потом решался Верховным Советом СССР) в связи с уходом на пенсию. Прения по докладу на пленуме не открывались, не выступал и Никита Сергеевич. Пленум освободил его от занимаемых постов в связи с уходом на пенсию по состоянию здоровья. Затем пленум избрал первым секретарем ЦК партии Л.И. Брежнева.

На состоявшейся вскоре сессии Верховного Совета СССР Н.С. Хрущева освободили от должности Председателя Совета Министров СССР. Новым Председателем Совмина стал А.Н. Косыгин. В связи с уходом на пенсию А.И. Микоян был освобожден от обязанности Председателя Президиума Верховного Совета СССР в 1965 году. На эту должность был избран Н.В. Подгорный.

* * *

Освобождение Никиты Сергеевича Хрущева от обязанностей руководителя партии и правительства СССР вызвало удивление и даже неодобрение в социалистических странах. Это мне пришлось видеть самому. Так, на следующий день после пленума ЦК партии, освободившего Н.С. Хрущева от руководящих постов, я вылетел в Будапешт, где проводился исполком Всемирной Федерации профсоюзов (а я был членом и исполбюро и исполкома, вице-председателем ВФП). В аэропорту вместе с профсоюзными деятелями меня встречали три члена Политбюро ЦК Венгерской социалистической рабочей партии. Секретарь ЦК, член Политбюро ЦК ВСРП (он по существу был вторым секретарем ЦК) тов. Биску предложил мне сразу поехать в ЦК партии, где меня ждет тов. Янош Кадар. На его машине мы поехали в ЦК, поднялись в кабинет первого секретаря. Я. Кадар был один, ждал нас. Он нервно ходил по кабинету. Едва поздоровавшись со мной, он с запальчивостью начал критиковать ЦК нашей партии, новое руководство за неожиданное смещение Н.С. Хрущева. Почему мы не посоветовались с другими партиями и, в частности, с ним о таком решении? «Понимаете ли вы, в какое положение ставите нас – руководителей в наших партиях, и положение наших партий в народе? Как нам теперь объяснять здесь, в Венгрии освобождение от занимаемых постов Н.С. Хрущева, которого у нас хорошо знают и глубоко уважают?» Я попросил Я. Кадара не горячиться, рассказал ему, как обстояло дело. Советоваться с руко-

водителями братских партий по такому вопросу было невозможно. Вопрос о руководстве партии решал пленум ЦК, это является исключительным правом каждой партии, его руководящего органа.

Действительно, принятое у нас решение было неожиданным для других коммунистических партий, но оно назрело внутри нашей партии и было вызвано сложившейся у нас обстановкой. Я сказал, что не могу принять его претензий к Центральному Комитету нашей партии. Ему и другим руководителям братских партий будет направлено письмо нашего ЦК по этому вопросу. Наверное, на его основе надо будет провести разъяснительную работу в партии и среди трудящихся. Тов. Кадар, как я почувствовал, остался неудовлетворенным моим объяснением. Он продолжал нервно обвинять нас, наш ЦК, в поспешности и необоснованности принятия решения о Н.С. Хрущеве. Видно было, что он уже был так настроен, что не мог воспринять правильно решение нашего ЦК. Было видно, что также негативно были настроены т. Биску и другие члены Политбюро ЦК ВСРП, присутствующие при этом разговоре.

В исполнительном бюро Всемирной Федерации профсоюзов, его члены т. Фрашон, т. Новелла, т. Лога-Совиньский, т. Зупка тоже спрашивали меня о причинах освобождения от руководящих должностей в нашей стране Н.С.Хрущева.

Чувствовалось некоторое недопонимание и критическое отношение к принятому у нас решению. Я постарался объяснить товарищам обоснованность происшедших у нас изменений.

* * *

Вернувшись домой из Венгрии, я рассказал Л.И. Брежневу о моем разговоре с т. Я. Кадаром, руководителями Всемирной Федерации профсоюзов, о критическом отношении и непонимании происшедших у нас перемен в руководстве. Л.И. Брежнев сказал мне, что уже приняты меры по информированию коммунистических партий, руководства социалистических стран о причине и характере принятых по этому вопросу решений.

Итак, Никита Сергеевич Хрущев был отправлен на пенсию. Оставшись не у дел, он, конечно, был обижен и недоволен, хотя внешне это не показывал. Позже Ю.В. Андропов сказал, что Н.С. Хрущев надиктовывает свои воспоминания и высказал беспокойство по этому поводу.

В 1971 году Никита Сергеевич умер.

Л.И. Брежнев и его окружение

Леонида Ильича Брежнева впервые я увидел на XIX съезде партии, проходившем в Большом Кремлевском дворце в октябре 1952 года. Он тогда работал первым секретарем ЦК Компартии Молдавии. На съезде был избран в состав президиума съезда. Выступал по отчету ЦК партии где-то в середине списка ораторов. При формировании руководящих органов партии Л.И. Брежнева избрали в состав членов ЦК КПСС. На первом пленуме ЦК после съезда он был избран кандидатом в члены Президиума ЦК партии.

После смерти Сталина в ходе большой перетасовки руководящих кадров Л.И. Брежнев был освобожден от обязанностей секретаря ЦК и назначен на должность начальника политуправления Военно-морского флота. К этому времени он имел звание генерал-лейтенанта. Будучи вторым секретарем Московского обкома партии, я вместе с Л.И. Брежневым организовывал торжественное заседание в Центральном парке культуры и отдыха им. Горького (в летнем театре) по случаю дня Военно-морского флота в 1953 году.

В 1954 году Л.И. Брежнев был направлен на работу вторым секретарем ЦК Компартии Казахстана. В период освоения целины приезжал в Москву, приходил ко мне, чтобы посмотреть анкеты коммунистов, отобранных и направляемых на работу в целинные совхозы и МТС. Первым секретарем ЦК Казахстана в то время был П.К. Пономаренко. Но вскоре он был переведен в Москву, и Л.И. Брежнев стал первым секретарем ЦК Компартии Казахстана. Ему несомненно принадлежит известная роль в освоении целины.

Через несколько лет Л.И. Брежнев был избран секретарем ЦК КПСС и вернулся в Москву. В ЦК он занимался вопросами оборонной промышленности. Я бывал иногда у него на совещаниях по вопросам работы предприятий, НИИ и КБ. В 1960 году он был избран Председателем Президиума Верховного Совета СССР. После смерти секретаря ЦК Ф.Р. Козлова Леонид Ильич вновь был избран секретарем ЦК партии (по существу вторым лицом в руководстве ЦК).

В октябре 1964 года на пленуме ЦК Л.И. Брежнев был избран первым секретарем ЦК партии. На этом посту он находился до конца своей жизни (умер в ноябре 1982 года).

* * *

Сейчас много пишут о Л.И. Брежневе, показывают его только с плохой стороны. Весь период его работы на постах Генерального секретаря ЦК КПСС, Председателя Президиума Верховного Совета СССР окрещен «периодом застоя», «двойной морали» и другими подобными эпитетами.

Я довольно хорошо знал Леонида Ильича Брежнева. Был, в общем, с ним в неплохих отношениях. Вместе с другими членами Политбюро бывал у него на квартире на Кутузовском проспекте и на даче. Раза два отдыхали в одно время на соседних дачах в Крыму. Как председателя ВЦСПС, а позже секретаря МГК КПСС он включал меня в состав многих партийных делегаций на съезды братских компартий социалистических стран, партийно-правительственных делегаций и делегаций Верховного Совета, которые сам возглавлял.

Л.И. Брежнев был энергичным, вдумчивым и смелым руководителем. В первую половину своего почти двадцатилетнего пребывания на посту руководителя партии и страны он много сделал для развития экономики и культуры страны, укрепления ее положения в мире. Пользовался большим авторитетом в партии, среди трудящихся нашей страны, среди товарищей по работе. Немало сделал для развития промышленности, укрепления планового начала развития экономики, занимался наукой, особенно оборонной, в том числе космонавтикой.

С целью обеспечения пропорционального развития, кооперирования и специализации производства, ускорения научно-технического прогресса при нем были упразднены совнархозы, восстановлены министерства и комитеты по отраслям народного хозяйства. По его инициативе и под руководством Председателя Совета Министров СССР А.Н. Косыгина была разработана и начала осуществляться экономическая реформа, предусматривающая реконструкцию и техническое переоснащение предприятий, развитие наукоемких и перспективных направлений в экономике. Большое развитие получили электронная, атомная, приборостроительная промышленность, станкостроение, энергетические отрасли, а также производство товаров для населения. На предприятиях и стройках внедрялись хозрасчет, бригадный подряд, экономические методы работы. Было построено много новых заводов и фабрик, оснащенных современным оборудованием, – автозаводы в Тольятти и Набережных Челнах, крупные комплексы химической промышленности, в том числе по производству искусственного волокна, научные и производственные центры по электронике, производству телевизоров, мощные гидро-, тепло- и атомные электростанции, новые промыслы по добыче нефти и газа, Байкало-амурская магистраль, – всего не перечислить.

Л.И.Брежнев глубоко занимался проблемами подъема сельского хозяйства. На первом же пленуме ЦК после октября 1964 года были рассмотрены эти вопросы. Был изменен порядок заготовок и закупок у колхозов и совхозов зерна, продуктов животноводства. Вместо ежегодно доводимых заданий установлен порядок, при котором колхозы и совхозы получали пятилетний неизменяемый план продажи государству сельскохозяйственной продукции.

Сверхплановую продукцию было разрешено реализовывать по усмотрению хозяйств. Колхозники и рабочие совхозов наделялись приусадебными и земельными участками, огородами. Снят запрет (наоборот поощрялось) наличное подворье, на то, чтобы иметь в личном хозяйстве сельскохозяйственных животных и птицу. По инициативе Л.И. Брежнева были разработаны и начали осуществляться широкая программа подъема сельского хозяйства нечерноземной зоны РСФСР, продовольственная программа, другие важные мероприятия.

В поле зрения Л.И.Брежнева постоянно находились вопросы идеологической работы партии. В ЦК КПСС проводились совещания идеологических работников, деятелей культуры и искусства. Он посещал театры, общался с писателями, журналистами, художниками.

Много внимания уделял Леонид Ильич сплочению стран социалистического содружества, международного коммунистического и рабочего движения. Регулярно работал консультативный комитет стран-участниц Варшавского договора, Совет экономической взаимопомощи (СЭВ). Руководители социалистических стран часто встречались для обсуждения и выработки согласованной политики и действий. Проведено несколько международных совещаний руководителей коммунистических и рабочих партий с целью обмена мнениями, выработки единой политики коммунистического движения в мире. Все это способствовало укреплению сплоченности и единства стран социалистического содружества, международного коммунистического движения. У Л.И. Брежнева установились хорошие личные отношения с генеральными и первыми секретарями ЦК братских коммунистических партий социалистических и других стран.

* * *

Немалый вклад внес Л.И. Брежнев в укрепление мира и разрядку международной напряженности. Встречался с руководителями, главами государств и правительств многих стран. Он был человеком приветливым, общительным, располагающим к себе людей. Вспоминая, как бывший президент США Д. Картер после встречи с Леонидом Ильичом и переговоров в Вене в интервью журналистам заявил: «Здесь в Вене, в лице Л.И. Брежнева я

приобрел себе друга». Вспоминаю также, с каким восторгом встречал Париж, вся Франция Леонида Ильича во время его визита в эту страну по приглашению президента. Каждая его официальная поездка в любую из зарубежных стран, я уж не говорю о поездках в советские республики и регионы, выливались в крупные события, демонстрации доверия и уважения к стране Советов, ЦК и всей партии, руководству страны и лично к Леониду Ильичу.

В те годы высок был авторитет нашей страны в мире. Высок авторитет партии, ее ЦК, правительства в стране. Борясь за мир, за безопасность Советского Союза, стран социализма, Л.И. Брежнев всегда выступал как коммунист, как последовательный и стойкий борец за коммунистические идеалы, никогда не поступался этими идеалами ради дешевой личной популярности.

Во времена Л.И. Брежнева был ослаблен пресс «холодной войны», развивалось сотрудничество всех стран, осуществлены меры по ослаблению международной напряженности, улучшились отношения с главной страной капитализма – Соединенными Штатами Америки, были достигнуты важные соглашения о нераспространении ядерного оружия, согласован договор по ОСВ-2, противоракетной обороне и другие. Проведено важное Хельсинкское совещание и начался так называемый «Хельсинкский процесс», улучшение международных отношений.

В международных делах, впрочем, как и в делах внутренних, Леонид Ильич Брежнев проявлял инициативу, гибкость, умел пойти на разумный компромисс, а когда была необходимость, он поступал решительно и смело.

Так было, например, в 1968 году, когда создалось кризисное положение в Чехословакии. Здесь, провозглашая лицемерные лозунги и призывы к свободе, гласности, демократии, народовластию, замешанные на национализме и приукрашивании жизни в капиталистических странах, группа демагогически и антисоветски настроенных лиц сумела отстранить прежнее руководство Коммунистической партии Чехословакии и занять в ней ведущие посты. Дубчек и его приближенные в короткий срок заменили своими сторонниками секретарей обкомов, горкомов и других работников партии. Развернулся процесс размыывания коммунистических основ в партии и замена их идеями и практикой социал-демократии. Была открыта западная граница. Из ФРГ, США в Чехословакию пошел поток всякого рода «Советников» и «консультантов», возникла опасность «тихой» контрреволюции, реставрации капитализма в этой стране. Руководители социалистических стран начали высказывать ЦК КПСС свою тревогу, опасения за положение в братской Чехословакии. Разгул антисоциалистических сил в ЧССР сказывался и на других социалистических странах Европы.

Л.И. Брежнев много сил приложил для того, чтобы исправить ситуацию в Чехословакии. Он вместе с некоторыми членами Политбюро, в течение одного-двух месяцев вел переговоры с Дубчеком, другими руководителями Чехословакии. Всем составом Политбюро ЦК КПСС проводились встречи с членами Президиума ЦК КПЧ в Чиерне над Тисой, Братиславе. Наши товарищи во главе с Л.И. Брежневым ездили туда на поезде и жили в вагонах иногда целую неделю, пока шли переговоры. Делались попытки помочь чехословацким лидерам понять ошибочность избранного ими пути, указывалось на недопустимость отхода от марксистско-ленинской политики, об опасности перехода на позиции социал-демократизма.

Такую же работу с лидерами КПЧ вели руководители братских коммунистических партий социалистических стран: Польши, Венгрии, Болгарии.

Однако Дубчек и другие пришедшие к руководству в ЦК КПЧ ревизионисты не хотели прислушаться к разумным советам членов Политбюро ЦК КПСС, лидеров других социалистических стран, к критике их ошибочных (скорее преднамеренных) действий. Они продолжали проводить свою линию, направленную на ликвидацию социалистических завоеваний в Чехословакии, реставрацию капитализма в стране.

Такое положение создавало большие трудности в других социалистических странах, грозило появлением на наших границах, границах других социалистических стран, государства, где могли концентрироваться враждебные нашим странам силы, откуда могла бы исходить опасность всему делу социализма в мире. Среди руководителей ЧССР, в то время были преданные коммунистическим идеалам, делу социализма, дружбе с СССР и другими социалистическими странами люди – такие как президент республики Л. Свобода, министр обороны ЧССР Т. Дзур, А. Индра и некоторые другие. Но их было меньшинство и они не могли повлиять на Дубчека и его окружение. Возникла трудная ситуация, вопрос практически стоял так – быть ЧССР социалистической дружественной СССР и другим социалистическим государствам страной или превратиться в капиталистическое государство.

Л.И. Брежнев провел консультации со всеми руководителями социалистических стран. Все они высказались за необходимость ввести с Чехословакию ограниченный контингент войск стран Варшавского договора. Этот вопрос много раз рассматривался в Политбюро ЦК КПСС. Политбюро ЦК согласилось с общим решением руководителей социалистических стран. Л.И. Брежнев каждодневно связывался по этим вопросам с президентом ЧССР Л. Свободой, министром обороны Дзуром. Последние были согласны на ввод войск в Чехословакию, но только просили, чтобы в составе контингента не было войсковых подразделений ГДР, и чтобы в основном присутствовали советские войска.

Т. Свобода и Дзур заверили, что вооруженные силы Чехословакии не окажут никакого сопротивления вводу в страну ограниченного контингента войск стран Варшавского договора. Летом 1968 года войска ОВД вступили в Чехословакию. Л.И. Брежнев лично следил за всем этим процессом. Командовал операцией министр обороны СССР маршал Советского Союза А.А. Гречко. Помню, что известные трудности возникли только в Праге. С некоторым трудом было занято здание теле-радио-центра и некоторые другие объекты. Несколько членов Президиума ЦК КПЧ, в том числе Дубчек, были вывезены в Москву. Они жили дней 30 в гостевых особняках на Ленинских горах. Потом, когда это стало возможным, были возвращены домой.

Первые дни после ввода войск ОВД в некоторых городах Чехословакии, особенно в Праге, было беспокойно. Особенно бушевала молодежь. Она бурно протестовала против ввода войск, оскорбляла наших солдат и офицеров, залезала на танки и т. п. Наши военнослужащие вели себя достойно. Они разъясняли причины сложившегося положения, призывали молодежь соблюдать порядок, говоря, что ввод войск дело временное, что это помощь в сохранении социалистических завоеваний, попытка оградить страну от угрозы со стороны военного блока НАТО. В это время в Праге правые, ревизионистские силы провели подпольный 14-ый съезд КПЧ. Было выражено несогласие и осуждение факта ввода войск СССР и других социалистических стран в Чехословакию, принято решение отстаивать ревизионистские установки Дубчека и других.

Но постепенно дело налаживалось. Был проведен пленум ЦК КПЧ, Первым секретарем ЦК был избран Г. Гусак, секретарем В. Биляк и другие достойные товарищи, верные коммунисты. ЦК, новое руководство повели широкую разъяснительную работу в массах. Положение постепенно нормализовалось. В Москву приезжал с официальными визитами Президент Л. Свобода (по приглашению Л.И. Брежнева). Москвичами он был принят с особым теплым чувством, восторженно. Это произвело на него (по его словам) огромное впечатление.

Вообще, наряду с Леонидом Ильичем Брежневым, Л. Свобода и Т. Дзур сыграли огромную роль в преодолении кризиса. Вся трудная операция прошла бескровно. Вскоре войска из ЧССР были выведены. По договору с правительством страны остались лишь некоторые подразделения Советской армии в рамках Варшавского договора.

* * *

Все враждебные социализму силы подняли большой шум вокруг ввода войск в Чехословакию. Это и понятно. Попытка оторвать ЧССР от Советского Союза, от социалистического содружества провалилась. Социализм в Чехословакии был защищен, и это имело важное значение для всего мира.

В ходе событий в Чехословакии я дважды выезжал в Прагу по поручению Л.И.Брежнев для встреч и переговоров с бывшими в то время секретарями Пражского горкома КПЧ Шимоном и Матейкой. Речь шла о правильности понимания происходящих событий, обоснованности ввода в ЧССР воинских подразделений дружеских стран, о необходимости проведения Пражским горкомом КПЧ организационных и политических мероприятий по стабилизации положения в Праге.

Позже оказалось, что Шимон и Матейка были участниками 14-го подпольного съезда КПЧ, заражены ревизионизмом. Обоих освободили (в разное, конечно, время) от работы. Первым секретарем Пражского горкома КПЧ стал тов. Антонин Калек, который возглавлял парторганизацию Праги, был членом Президиума ЦК КПЧ около 20 лет. Показал себя стойким коммунистом, питавшим дружеские чувства к КПСС и Советскому Союзу. С огромной болью я узнал, что этот мужественный человек не выдержал травли и покончил жизнь самоубийством в 1991 году.

Весной 1971 года в Праге прошел очередной, организованный согласно уставу КПЧ 14-ый съезд Компартии Чехословакии. Делегацию КПСС возглавлял Л.И. Брежнев (я был членом делегации). Его присутствие на съезде, выступление были очень тепло встречены делегатами съезда, положительно оценены трудящимися. Постепенно обстановка в ЧССР полностью нормализовалась, хотя было немало людей, особенно среди интеллигенции, которые осуждали ввод войск СССР и других стран Варшавского договора в Чехословакию. Такие люди были и в других странах Европы и США, да и у нас в Советском Союзе. Одни не понимали значения этой акции для защиты завоеваний социализма, другие выражали свое недовольство потому, что сами были приверженны ревизионизму, социал-демократизму и антисоветизму.

Несмотря на известные издержки, понесенные Советским Союзом, коммунистическим движением вообще, считаю эту акцию оправданной. Необходимо было спасти социализм в ЧССР. Это было сделано, и в том большая заслуга Л.И. Брежнева, который, понимая все возможные последствия этого шага, проявил смелость, волю, мужество, верность коммунистическому интернационализму. Дело защиты социализма восторжествовало. У нас, в Политбюро ЦК КПСС не было разногласий в оценке сложившегося положения в 1968 году в Чехословакии и необходимости (совместно с другими социалистическими странами) помощи КПЧ в преодолении возникшей угрозы социализму. Один М.А. Суслов высказал предложение, что с вводом войск в ЧССР надо повременить.

Жизнь подтвердила правильность оценки положения и принятых тогда мер, социалистическая Чехословакия жила и развивалась как высокоразвитое социалистическое государство.

* * *

В ЦК КПСС, в Политбюро, у Л.И. Брежнева сложились неодинаковые отношения с членами руководящих органов. Они были неровными в разные периоды работы. Так, вскоре у него обострились отношения с А.Н. Косыгиным, который пользовался уважением среди товарищей по работе, популярностью в народе. Как-то, в мае 1965 года, после заседания

Президиума ЦК, мы должны были поехать на стадион им. Ленина в Лужниках, где проходил праздник Дружбы народов. В Москву из Одессы прибыла на мотоциклах эстафета мира, ее участники должны были вручить руководителям страны письмо. А.Н. Косыгин полагал, что это письмо должен принять он, как председатель правительства, но здесь Шелепин и некоторые другие высказались за то, чтобы письмо принимал Л.И. Брежнев. Зашел спор, в ходе которого А.Н. Косыгин сказал примерно следующее: всегда найдутся подхалимы и угодники, которые стремятся угодить начальству, но Леонид Ильич не должен поддаваться подхалимажу. На это Л.И. Брежнев очень рассердился. Я стоял в стороне, ко мне подошел А.Н. Шелепин и предложил вместе выступить против А.Н. Косыгина. Я ответил, что не надо горячиться, что товарищи сами разберутся между собой.

Так мы поехали на стадион. Он был полностью заполнен москвичами. Через громкоговоритель было объявлено о прибытии эстафеты мира из Одессы и привезенном ее участниками послании мира руководителям страны. Несколько делегатов из Одессы через ряды зрителей стали подниматься к правительственной трибуне. Но кто будет принимать письмо? Возникло неловкое положение. Тогда Л.И. Брежнев сказал: «Пусть письмо примет Гришин как председатель ВЦСПС». Пришлось принимать письмо мне и экспромтом говорить речь с благодарностью участникам эстафеты и тем, от кого было написано письмо ЦК и правительству. Этот случай испортил всем членам и кандидатам в члены Президиума ЦК КПСС настроение.

Потом мы все постоянно чувствовали натянутость отношений между Л.И. Брежневым и А.Н. Косыгиным. Наши отношения с Алексеем Николаевичем и его семьей были дружескими, о чем я еще скажу дальше. Это стало известно Л.И. Брежневу, и его отношение ко мне к середине 70-х годов изменилось. Он стал относиться ко мне с недоверием, подозрительно и даже с предвзятостью. Однажды в Большом Кремлевском дворце проходило то ли какое-то собрание, то ли сессия Верховного Совета. Когда я подъехал к подъезду Дворца, неподалеку прохаживались Л.И. Брежнев и А.А. Громыко. Я подошел к ним, поздоровался и мы стали ходить втроем. Л.И. Брежнев вдруг сказал мне: «Ты, Виктор, придерживайся моей линии, а не линии Косыгина». Я был удивлен. Ответил ему, что у нас общая линия, это линия партии, ее программа и устав, решения съездов и пленумов ЦК. Этой линии мы все и придерживаемся. А.А. Громыко молчал.

В конце 70-х годов на одном из заседаний Политбюро ЦК КПСС, думаю, что по подсылке или в угоду Леониду Ильичу, с резкой критикой А.Н. Косыгина выступил председатель Госплана СССР Н.К. Байбаков. Он сказал, что Председатель Совмина не читает его – председателя Госплана записок, не читает документы, идущие в Совет министров, не вникает глубоко в работу и т. п. А.Н. Косыгин возражал, говорил, что все поступающие к нему документы внимательно рассматриваются. Получилось все довольно некрасиво. Мы, некоторые члены Политбюро ЦК вынуждены были вмешаться, чтобы прекратить эту неподходящую для работы Политбюро ЦК перебранку.

Вскоре А.Н. Косыгин заболел. У него случился инфаркт миокарда. Л.И. Брежнев решил отправить его на пенсию. Он позвонил мне по телефону (наверное, как и другим членам Политбюро) и стал уговаривать освободить А.Н. Косыгина от обязанностей Председателя Совета Министров СССР и выдвинуть на это место Н.А. Тихонова, работавшего заместителем Председателя Совмина. Я высказал соображение, что может быть А.Н. Косыгин еще сможет поработать, приносить пользу стране. Л.И. Брежнев, сославшись на мнение начальника четвертого главного управления Минздрава СССР Е.И. Чазова, сказал, что А.Н. Косыгин работать уже не сможет. Да и вообще Н.А. Тихонов будет работать хорошо, он лучше Косыгина составит государственный план. Но это, конечно, была совершенно неравноценная замена.

А.Н. Косыгин недолго пробыл на пенсии и вскоре умер. Было решено похоронить его на Красной площади, урну с прахом умершего установить в Кремлевской стене. Л.И. Брежнев сказал, что на похороны он не пойдет, но после наших уговоров принял участие в траурной церемонии.

* * *

Л.И.Брежнев был человеком общительным, умел расположить к себе людей. У него было много друзей, с ними он был хорош. Но решительно освобождался от тех, к кому питал недоверие. Были работники, к которым относился просто терпимо. Его самыми близкими друзьями в Политбюро были Щербицкий, Андропов, Громыко, Устинов, Кунаев. Ревностно он относился к А.Н. Косыгину и Н.В. Подгорному. Ко мне вначале отношение было неплохим, но примерно с середины 70-х годов, под влиянием некоторых работников секретариата и иных «доброхотов» отношение изменилось.

Он принимал крутые меры, освобождался от тех, кто вел закулисные разговоры о недостатках его работы, отрицательно высказывался о нем и т. п. Так, во второй половине 60-х годов Брежневу было доложено (по-видимому Ю.В. Андроповым), что группа бывших комсомольских работников собирается, ведет разговоры о возможной замене руководства партии. В группу входили А.Н. Шелепин, В.Е. Семичастный, Н.Г. Егорычев, В.С. Толстиков, А.П. Волков и кто-то еще. С подачи В.В. Щербицкого в опалу попал П.Е. Шелест. Он был переведен на работу зам. председателя Совмина СССР, освобожден от обязанностей первого секретаря ЦК КПУ. Все эти товарищи были сняты с занимаемых постов. Одни переведены на другую работу, другие отправлены на пенсию. На пленуме ЦК КПСС тт. Шелепин, Воронов, Шелест тайным голосованием были выведены из членов ЦК КПСС.

В мае 1977 года на Пленуме ЦК, после обсуждения основного вопроса, как бы между прочим председательствующий М.А. Суслов предложил освободить от обязанностей члена Политбюро ЦК и Председателя Президиума Верховного Совета СССР Н.В. Подгорного. В поддержку этого предложения сразу выступили два-три человека. М.А. Суслов не дал слово Н.В. Подгорному, хотя тот пытался что-то сказать («Ты посиди, подожди», – сказал ему Суслов), быстро поставил вопрос на голосование, и Н.В. Подгорный был освобожден от занимаемых постов. Пленум закрылся. В комнате президиума сразу после окончания пленума растерянный Н.В. Подгорный сказал: «Как все произошло неожиданно, я работал честно» и расстроенный ушел. Этому делу предшествовали высказывания А.П. Кириленко, М.А. Суслова и некоторых других: зачем нам нужно иметь двух Генеральных секретарей? Вскоре на сессии Верховного Совета СССР вместо Н.В. Подгорного Председателем Президиума Верховного Совета СССР был избран Л.И. Брежнев.

До смещения Н.С. Хрущева с поста первого секретаря ЦК КПСС в октябре 1964 года Л.И. Брежнев и Н.В. Подгорный были очень дружны. Я уже писал, что именно Н.В.Подгорный был вдохновителем, а Л.И. Брежнев и другие – исполнителями освобождения Н.С. Хрущева от занимаемых постов. На заседании Президиума ЦК, когда надо было решать кому быть первым секретарем ЦК, Л.И. Брежнев предложил кандидатуру Н.В. Подгорного. Но тот сказал: «Нет, Леня, берись ты за эту работу». Так Л.И. Брежнев стал первым секретарем ЦК партии, а затем Н.В. Подгорный занял пост Председателя Президиума Верховного Совета СССР.

Первое время в их отношениях было все хорошо. Но потом у Л.И. Брежнева стало проявляться недовольство тем, что Н.В. Подгорный старается вести себя во всем на равных с Брежневым. Кроме того, он стал выражать недовольство проявлением мании величия Л.И. Брежнева, осуждая восхваления и славословия в его адрес. Однажды мне пришлось присутствовать на юбилее одного из секретарей ЦК КПСС. У него в гостях были Брежнев с женой,

Подгорный, Кириленко, я и некоторые другие члены Политбюро и секретари ЦК. Присутствующие поздравляли хозяев с юбилеем. Но больше слов говорилось в адрес Генерального секретаря ЦК. Когда юбиляр произносил свой тост, то он в основном говорил о Брежневе, о его заслугах перед партией и страной. Возмущенный происходящим, Подгорный, обращаясь к Леониду Ильичу, сказал: «Леня, как ты можешь терпеть такие славословия в свой адрес? Почему ты не прекратишь это восхваление? Это не годится не только для руководителя, но и для простого коммуниста. Ты знаешь, как я к тебе отношусь. Я готов за тебя подставить свою грудь под пули, но я не могу видеть, как ты, по существу, поощряешь возвеличивание себя».

Говорил он это громко, возбужденно. Брежнев стал ему возражать, говоря что мол ничего предосудительного здесь сказано не было, что товарищи хотят и могут высказывать свои мысли, свои оценки деятельности любого из нас, что ты, Николай Викторович, всегда сгущаешь краски, всегда чем-то недоволен и т. п. В общем, произошла серьезная размолвка между Брежневым и Подгорным. Настроение у всех было испорчено, и вскоре мы разъехались по домам.

Были и другие случаи, когда Подгорный высказывал осуждение Брежнева за его манию величия, поощрение хвalebных в свой адрес выступлений и славословий. В узком кругу он прямо осуждал Брежнева за приверженность к культу личности, за его любовь к лести и подобострастию. Подгорный не стремился и, я убежден, не желал занять место Генерального секретаря ЦК. Его возмущало благосклонное отношение Брежнева к подхалимажу и возвеличиванию своей персоны. В свою очередь Брежнев не скрывал неудовлетворенность Подгорным за его критические высказывания в свой адрес. Все это (разговоры особо близких к Брежневу членов Политбюро, что «нам не нужно двух генеральных секретарей ЦК»), а также желание быть первым лицом не только в партии, но и в государстве и послужило причиной отставки Подгорного в 1977 году и занятия Брежневым, наряду с должностью Генерального секретаря ЦК, поста Председателя Президиума Верховного Совета СССР.

* * *

Во второй половине 70-х годов резко ухудшилось состояние здоровья Леонида Ильича. Речь его стала невнятной, как говорил сам Леонид Ильич, что-то не получается с протезированием зубов (в период Великой Отечественной войны Леонид Ильич получил ранение челюсти) и несмотря на все усилия наших врачей, а также специалистов из Германии, проблемы с речью у Леонида Ильича оставались до последних дней его жизни. Вследствие этого доклады и выступления произносились нечетко, шепеляво, хуже воспринимались слушателями, вызывали насмешки и разговоры у людей. У нас, его товарищей по Политбюро, это вызывало сочувствие и сожаление.

В 1974 или 1975 году он месяца три не работал, находился в загородной больнице, перенес какое-то заболевание. Официально об этом ничего не говорилось. Даже большинство членов Политбюро ЦК не были поставлены в известность, что же с ним было. Бывший в то время начальником четвертого главного управления Минздрава СССР Е.И. Чазов сказал: «Проведено лечение последствий военных лет». Возможно, это был инфаркт или какая-то серьезная операция. Появились склеротические явления, нетвердость походки, быстрая утомляемость. Резко снизилась работоспособность. Постепенно дело подошло к тому, что без написанного текста он не мог выступать не только в больших аудиториях, но даже на заседаниях Политбюро ЦК. Хотя они проходили регулярно (каждый четверг), продолжительность резко сократилась, они стали длиться час, максимум полтора часа. По вопросам повестки дня Леонид Ильич зачитывал подготовленные его секретариатом записки и проекты решений, которые должны быть приняты.

На встречах с различными иностранными делегациями, руководителями государств и партий он зачитывал подготовленный ему материал без каких-либо комментариев. Некоторые зарубежные деятели говорили, что «переговоров не было, Брежнев лишь зачитывал подготовленные ему справки». Они оставались неудовлетворенными встречами с советским руководителем. Справки и выступления за Брежнева готовили помощники из его секретариата. Они и как бы определяли направление деятельности Генерального секретаря ЦК, а следовательно, определяли политику ЦК и правительства.

В Президиуме Верховного Совета СССР Л.И. Брежнев почти всю работу переложил на первого заместителя Председателя Президиума В.В. Кузнецова, для этого и была создана такая должность, раньше ее не было. Л.И. Брежнев очень прислушивался к мнению своих близких. За время работы он перевел в Москву и расставил на руководящие посты много знакомых, сослуживцев по прежней работе. В Москву перебралось множество днепропетровцев.

В Политбюро со второй половины 70-х годов сложилась группа товарищей, которые подготавливали предложения, вопросы, касающиеся как внутренних, так и внешнеполитических проблем. Эта группа состояла из наиболее приближенных Л.И. Брежневу людей, которым он полностью доверял и полагался на их предложения и рекомендации. В нее входили в разное время Ю.В. Андропов, К.У. Черненко, А.А. Громыко, Д.Ф. Устинов, Н.А. Тихонов. Они часто собирались (вне рамок Политбюро ЦК), обсуждали наиболее важные проблемы внутренней и международной жизни, политики, решений партии и правительства, докладывали свои предложения Л.И. Брежневу и по согласованию с ним вносили вопросы в Политбюро ЦК. Иногда какие-то вопросы решались ими в оперативном порядке. Их предложения, как правило, проходили в Политбюро, ибо они их дружно отстаивали, пользовались своими близкими отношениями с Генеральным секретарем ЦК КПСС, да и просто в силу занимаемых должностей.

Создание, работа этой группы видных деятелей, видимо, была необходимой и полезной. Это восполняло недоработки Генерального секретаря ЦК, вызванные его физической слабостью и нездоровьем. Но, вместе с тем, в известной (причем значительной) мере они подменяли Политбюро ЦК, находились на каком-то особом положении в Политбюро, принимали важные решения, минуя коллегиальный руководящий орган партии. В группе рассматривались вопросы обороны, оборонной промышленности, внешнеполитические шаги Советского государства, некоторые кадровые вопросы. Она располагала такими сведениями и информацией, о которых другие члены Политбюро нечего не знали. Некоторые не оправдавшие себя шаги и решения лежат на совести этой группы.

Неудачным было ближайшее окружение Л.И. Брежнева – его помощники, референты, консультанты. Во многом влияли на выработку внутренней и внешней политики такие люди в аппарате ЦК или внештатные консультанты как Арбатов, Иноземцев, Бовин, Черняев, Шахназаров, Загладин и другие. Отношения строились на принципах угодничества и беспрекословного подчинения патрону. Материалы и предложения готовились только угодные Генеральному секретарю. Докладывалось то, что было ему приятно.

Непомерно было стремление к возвеличиванию и прославлению Леонида Ильича. Его секретариат (и прежде всего помощник В. Голиков) занимался написанием книг, которые потом шли за подписью Генерального секретаря ЦК (за что ему была даже присуждена Ленинская премия) писались биографические книги, издавались шикарные фотоальбомы о Леониде Ильиче. Составители этих книг или альбомов не забывали и о своих выгодах. Ряд из них получили Ленинские, Государственные премии, награждены правительственными наградами.

Все это плохо воспринималось в партии и народе, порождало различные слухи, пересуды и анекдоты. Падал авторитет Генерального секретаря ЦК. Этому способствовали и лич-

ные слабости Леонида Ильича Брежнева. Он очень любил получать награды и всяческие почести. Никак не украшали его четыре звезды Героя Советского Союза, многие ордена, полученные в мирное время, главным образом, по случаю дней рождения и других дат. Были люди, которые старались угодить первому руководителю страны, вносили предложения приятные ему, но вредящие его авторитету. Так, за подписью многих видных военачальников – министра обороны СССР А.А. Гречко, всех его заместителей, членов коллегии министерства, почти всех маршалов Советского Союза в Политбюро ЦК КПСС поступило письмо – предложение о присвоении Л.И. Брежневу звания маршала Советского Союза (поскольку он является председателем совета обороны страны). Что нам было делать? Коллегия Минобороны в полном составе пришла на заседание Политбюро при рассмотрении этого вопроса. Решение было принято, вышел указ Президиума Верховного Совета СССР. Появился новый маршал Советского Союза.

Примерно таким же порядком решался вопрос о награждении Л.И. Брежнева орденом Победы (кажется, это было решение к его 70-летию). Он очень гордился своими наградами. Пять золотых звезд, три медали лауреата различных премий носил постоянно. Был и такой случай, когда на открытии мемориала Победы в Великой Отечественной войне в Киеве он приехал не только в звездах, но и украшенный многими орденами в том числе и орденом Победы. Также в орденах и медалях прибыли украинские руководители. Я ездил на эти торжества в поезде Леонида Ильича. Когда он меня увидел в обычной одежде, без наград он сказал: «Жаль, что не предупредили тебя о нашем решении надеть на праздник правительственные награды»...

Л.И. Брежнев, особенно в последние годы работы, в силу своего характера и благодаря старанию окружения и многих подбострастных людей, как-то уверился в своей непогрешимости, умении предвидеть события, своей особой одаренности, даже величии и вседозволенности. Это ему очень вредило, подрывало авторитет, вызывало неудовольствие людей. Вообще плохо сказывалось на работе партии и общем положении в стране.

* * *

Хочу рассказать о том, что мне известно из истории ввода ограниченного контингента советских войск в Афганистан в 1979 году. Как-то вечером, кажется это было весной, мне позвонил Л.И.Брежнев и пригласил к себе в кабинет в ЦК КПСС (еще кабинет у него был в Кремле в здании Совмина СССР, рядом находился зал, где происходили заседания Политбюро ЦК). В кабинете Брежнева уже собрались члены, кандидаты в члены Политбюро и секретари ЦК партии. Начался разговор о событиях в Афганистане. Сообщение сделал председатель КГБ СССР Андропов. Он сказал, что в Афганистане свергнуто правительство Дауда. К власти в стране пришли прогрессивные силы во главе с (по их информации) коммунистическим лидером товарищем Тараки. Что комитет продолжает следить за развитием событий в стране. Затем выступил секретарь ЦК КПСС Пономарев Б.Н. Он сказал: «Мы знаем товарища Тараки, это надежный товарищ». Длительного обсуждения по этому поводу не было. Да это и не было официальным заседанием Политбюро. Скорее была беседа: информация о происходившем в соседней стране, разговор как нам к этому относиться. У нас было удовлетворение, что к власти в Афганистане пришли прогрессивные прокоммунистические силы. Было условлено, что КГБ, МИД и министерство обороны СССР будут продолжать наблюдать за развитием событий в этой стране и информировать Политбюро и руководство страны.

Делами, связанными с Афганистаном, занимались Андропов, Громыко, Устинов. Они следили за развитием событий, готовили информацию и предложения для Политбюро ЦК по Афганистану (а зачастую по этим вопросам напрямую выходили на Брежнева). Вскоре по

информации Андропова, Громыко и Устинова в Афганистане началась борьба групп и кланов Тараки и Амина за власть. Затем мы получили сообщение от афганских руководителей, что Тараки якобы заболел, помещен в больницу и там умер. К руководству в Афганистане пришел Амин. Далее по линии КГБ поступили сведения, что Амин учинил расправу со всем родом Тараки, а сам Тараки по его указанию был уничтожен. Родственников и сторонников Тараки насильственно переселили на пустынную территорию, бесплодную и безводную землю, вдали от населенных пунктов. Они были обречены на голодную смерть. Попытки наших работников по линии КГБ и посольства договориться с Амином о гуманном отношении к родственникам Тараки результата не имели. Наши попытки защитить их были отвергнуты. Амин не желал считаться с мнением советских представителей, в стране нарастала кампания репрессий против сторонников Тараки.

На очередном заседании Политбюро ЦК Ю.В. Андропов информировал о том, что по имевшимся данным Амин является агентом ЦРУ, что в Афганистан прибывают все новые и новые люди из американской и пакистанской разведок, из США и Пакистана поступают в Афганистан большие партии оружия, которое попадает в руки тех, кто ориентируется на эти страны. В это время Амин прислал несколько телеграмм с просьбой принять его в Москве. Но наше руководство решило, что принимать его нецелесообразно, ибо это означало бы поддержку его Советским Союзом, дезориентировало прогрессивные силы внутри Афганистана, которые вели борьбу против него и проводимой им политики.

Далее стало известно, что те, кто начинал революционные преобразования, коммунисты этой страны приняли решение устранить Амина от руководства и взять власть в свои руки. Во главе этих сил был Бабрак Кармаль, отправленный Амином из Афганистана в Чехословакию послом. Бабрак Кармаль просил помощи Советской страны. Затем были сообщения о том, что Амин устранен и что председателем революционного правительства Афганистана избран Б.Кармаль.

В это время ситуация стала ухудшаться. Активизировалась оппозиция, усилились стремления США и Пакистана глубже проникнуть и закрепиться в этой стране. Началось формирование боевых организаций противников нового правительства, их оснащение американским оружием, появились американские и пакистанские советники. Создалась прямая угроза открытого выступления контрреволюции, победа которой была бы чревата серьезными последствиями для нарушения баланса в этом регионе, превращением Афганистана в государство, враждебное Советскому Союзу, в новую военную базу США с ракетно-ядерным оружием, направленным на территорию Советского Союза. Уже и без того США окружили СССР своими военными базами, оснащенными ракетами с ядерными боеголовками. Теперь возникла опасность создания новой такой базы, расположенной прямо у южных границ нашей страны. Новое правительство Афганистана практически не имело своей армии, защищать страну ему было нечем.

Как нам было сообщено на очередном заседании Политбюро ЦК, правительство Афганистана официально запросило Советское правительство о военной помощи для защиты государства от угрозы иностранной агрессии и внутренней контрреволюции. Этот вопрос долго обсуждался, решиться на такой шаг было не просто. Товарищи Андропов, Устинов, Громыко настаивали на принятии решения о военной помощи Афганистану, ибо в противном случае мы потеряем дружественную страну на наших южных границах. Брежнев также придерживался этой точки зрения. Все понимали, конечно, возможные последствия этого ответственного шага. Но полагали, что сам ввод ограниченного контингента наших войск в Афганистан улучшит положение в этой стране, укрепит позиции правительства, позволит ему быстро создать собственные вооруженные силы, способные защищать свою страну. Ввод войск рассматривался как наша интернациональная помощь оказавшемуся в беде дружественному государству, помощь в защите революционных завоеваний прогрессивных сил

Афганистана. Предполагалось также, что пребывание наших войск в Афганистане будет кратковременным, что после быстрой стабилизации обстановки в стране, после создания собственных вооруженных сил наши войска будут возвращены домой. Так было принято решение Политбюро ЦК, Совета обороны СССР, Президиума Верховного Совета СССР о вводе в Афганистан ограниченного контингента советских войск. Все эти действия Советского руководства находились в строгом соответствии с договором, дружбе и взаимопомощи между СССР и Афганской республикой, т. е. имели законную юридическую базу.

Конечно, никто не мог предположить, что пребывание войск там затянется на несколько лет, что США и Пакистан организуют, обучат и вооружат формирования противников нового строя и те развернут активные военные действия против вооруженных сил нового правительства и подразделений Советской Армии. Очень горько и обидно, что много наших солдат и офицеров были убито и покалечено бандами афганских мятежников. Мы все искренне скорбим об этом. Но наши войска помогли выстоять Афганистану, защитить революционные завоевания. Ребята, воевавшие там, – это настоящие герои-интернационалисты, которыми наш народ будет всегда гордиться, а афганский народ с благодарностью будет чтить память о них. Теперь находятся люди, которые называют наших воинов-афганцев «оккупантами», объявляют нашу интернациональную помощь Афганистану ошибочной и даже преступной. Но я уверен, что тогда решение по Афганистану было принято обоснованно и надеюсь, что в будущем Афганистан будет дружественной нам страной и что народ с благодарностью будет помнить о помощи советских людей, оказанной ему в самое трудное для его страны время. Вместе с ним и мы, советские люди, никогда не забудем тех, кто отдал свои жизни или здоровье за свободу и лучшую жизнь афганского народа.

* * *

У Брежнева, как уже говорилось, установились хорошие личные отношения с руководителями братских коммунистических партий, особенно социалистических стран. Отношение к нему было уважительным, теплым. К его мнению прислушивались. Он обладал большим авторитетом среди руководителей коммунистических партий. Много внимания он уделял поддержке коммунистических партий всех государств, национально-освободительному движению. Помимо личных встреч, Леонид Ильич часто разговаривал по телефону с руководителями братских социалистических стран. Доверительные отношения были у него с первым секретарем ЦК ПОРП В. Гомулкой. Иногда он с ним не соглашался по отдельным вопросам, но это не приводило к ухудшению отношений. Я был в составе делегации КПСС, возглавляемой Леонидом Ильичем, на IV съезде ПОРП. Делегаты съезда очень тепло встречали Генерального секретаря ЦК КПСС. Хорошо была встречена его речь на съезде.

Приведу такой эпизод: один из делегатов съезда – крестьянин, рассказал о своем хозяйстве, что у него 10 гектаров земли, несколько лошадей, коров и т. п., попросил выделить ему 100 гектаров угодий, продать трактор и другие сельхозмашины. Брежнев был очень удивлен этим выступлением. Потом среди членов делегации он возмущенно говорил: «Это же кулак, у него в хозяйстве батраки! И это член коммунистической партии». Он в тактичной форме высказал Гомулке, другим членам польского руководства свои соображения о путях развития сельского хозяйства в условиях социализма. Это развитие он видел в создании крупных хозяйств, где можно механизировать труд людей, применять мощные тракторы и комбайны, другие сельскохозяйственные машины, внедрять более совершенную технологию, достижения науки и техники и получать значительно большие результаты в сельскохозяйственном производстве. В ответ на это Гомулка говорил, что в Польше свои специфические условия, что они идут по пути постепенного выкупа земли у крестьян и создания госхозов, но это путь медленный и искусственно ускорять они его не могут.

Через несколько лет положение в Польше обострилось. Трудности в экономике, невысокий уровень зарплаты трудящихся, резкое повышение цен на продукты питания вызвали недовольство в народе. Начались забастовки, массовый выход людей на улицы, митинги антиправительственного характера. Особенно острое положение сложилось в Гданьске. По решению руководства ПНР против манифестантов были направлены войска, применено оружие. Были убитые и раненые. Это событие всколыхнуло всю страну. В городах шли митинги протеста против расстрела демонстрантов в Гданьске. На предприятиях проводились забастовки.

Л.И. Брежнев, советское руководство осудили расстрел рабочих в Гданьске. Был созван чрезвычайный пленум ЦК ПОРП. В. Гомулка и некоторые другие руководители были сняты с занимаемых постов. К руководству пришли новые люди – Э. Терек, П. Ярошевич и др. Были осуждены насильственные действия против демонстрантов в Гданьске. Постепенно в стране наступило спокойствие. Отправленный на пенсию В. Гомулка в своем окружении как-то сказал: «Советские руководители, советские коммунисты растеряли революционность», не поддержав бывшее руководство ПОРП в их действиях против контрреволюции (так они оценивали выступления рабочих в Гданьске).

* * *

К началу 80-х годов стали нарастать трудности и в народном хозяйстве нашей страны. В какой-то степени сказалась болезнь Л.И. Брежнева, слабое руководство Совмином со стороны Н.А. Тихонова. Но были и объективные причины: подряд несколько лет были неурожайными, много продовольствия пришлось покупать за границей на валюту. Замедлились темпы роста промышленного производства, сократились капитальные вложения в жилищное и бытовое строительство, замедлилось повышение жизненного уровня населения. Во многих городах и районах страны стали отмечаться перебои в снабжении мясом, маслом и другими продуктами. Не хватало предметов широкого потребления (одежды и обуви). Это, естественно, вызывало недовольство людей. В то же время была ослаблена трудовая и производственная дисциплина, увеличились воровство, хищения социалистической собственности и взяточничество. Борьба с этими явлениями велась, но слабо. Недостаточно работали правоохранительные органы. Иногда их работники сами оказывались участниками коррупции. Слабо велась и политико-воспитательная работа в этом отношении со стороны ЦК КПСС. Необходимых острых указаний по устранению имеющихся недостатков не давалось.

На местах – в республиках, областях, городах и районах борьба с негативными явлениями тоже велась недостаточно...

Ю.В. Андропов: «На каждого из вас у меня есть материалы»

После смерти М.А. Суслова Юрий Владимирович Андропов был избран секретарем ЦК КПСС. После избрания Ю.В. Андропова секретарем ЦК КПСС его преемником на посту председателя комитета государственной безопасности СССР стал В. Федорчук. Он был переведен с должности председателя КГБ Украинской ССР. Наверняка по рекомендации В.В. Щербицкого, наиболее, пожалуй, близкого человека к Л.И. Брежневу, который, по слухам, хотел на ближайшем пленуме ЦК рекомендовать Щербицкого Генеральным секретарем ЦК КПСС, а самому перейти на должность Председателя ЦК партии. Осуществить это Л.И. Брежнев не успел. Недели за две до намечавшегося пленума ЦК он скоростно скончался.

Выступая на одном большом собрании, посвященном какому-то юбилею органам госбезопасности – В. Федорчук сказал, что большая заслуга в восстановлении и укреплении их авторитета принадлежит Ю.В. Андропову. Сам Ю.В. Андропов, надо полагать, хорошо знал Федорчука. Как только он стал Генеральным секретарем ЦК КПСС, В. Федорчук был переведен на работу в Министерство внутренних дел СССР. Проработал он в МВД недолго, но сумел нанести много вреда и этой системе...

В качестве секретаря, а потом Генерального секретаря ЦК КПСС и Председателя Президиума Верховного Совета СССР Ю.В. Андропов проработал немного. Он старался (и кое-что успел сделать) укрепить дисциплину и порядок в стране, ставил задачу увеличения роста материального производства, ускорения научно-технического прогресса в народном хозяйстве, повышения ответственности людей за результаты своего труда на благо общества, усиления борьбы с пьянством, нарушением законов, обманом государства, воровством и взяточничеством. У него было много идей и планов совершенствования работы партии, дальнейшего развития страны, но осуществить он их не успел.

Вместе с тем, следует отметить, что у Ю.В. Андропова были недостатки в характере, проявлялись они и в работе. Он не был лишен высокомерия, некоторого зазнайства, излишней самоуверенности и даже надменности. Допускал иногда принятие неглубоко продуманных и обоснованных решений, вносил недостаточно проработанные предложения, которые приводили к нежелательным последствиям. Он был довольно консервативен в оценке явлений жизни и своем поведении.

В политике ортодоксален, на практике прямолинеен, негибок, в какой-то мере бюрократичен. Консерватизм Юрия Владимировича Андропова проявлялся и в личной жизни, поведении. Его отличали замкнутость, неразговорчивость, настороженное, недоверчивое отношение к людям, закрытость личной жизни, отсутствие желания общаться с товарищами по работе (только два-три раза я видел его за товарищеским столом по случаю встречи Нового года или дня рождения кого-то из членов Политбюро, и то это было только тогда, когда присутствовал Л.И. Брежнев). Одевался Ю.В. Андропов однообразно. Длинное черное пальто зимой и осенью, темный костюм, неизменная темно-серая фетровая шляпа, даже летом в теплую погоду.

Был очень близок к Л.И. Брежневу. Вхож к нему в любое время и на работе, и на даче. Все вопросы, предложения докладывал ему лично. Лишь некоторые из них потом шли на Политбюро ЦК КПСС.

Думаю, что в КГБ велись досье на каждого из нас, членов, кандидатов в члены Политбюро ЦК, других руководящих работников в центре и на местах. Можно предположить, что с этим было связано одно высказывание в кругу членов Политбюро Л.И. Брежнева: «...на

каждого из вас у меня есть материалы». Мы, правда, не спросили, что за материалы и откуда они, но предполагали, что из КГБ.

Ю.В. Андропов избегал каких-либо дружеских отношений с членами руководящих органов. Ко всем и ко всему он относился недоверчиво, подозрительно. Сугубо отрицательное отношение у него было к тем, к кому не питал симпатии Л.И. Брежнев: А.Н. Косыгину, Г.И. Воронову, П.Е. Шелесту, Д.С. Полянскому и другим. Особенно не терпел своих предшественников по руководству госбезопасностью – А.Н. Шелепина и В.Е. Семичастного. По его докладам Л.И. Брежневу были освобождены от занимаемых постов и выведены из членов ЦК А.Н. Шелепин, Г.И. Воронов, П.Е. Шелест, а также бывший секретарь МГК КПСС Н.Е. Егоровичев, председатель Комитета по труду и зарплате А.П. Волков, секретарь Ленинградского обкома КПСС В.С. Толстиков и другие.

С приходом в Комитет государственной безопасности, Ю.В. Андропов добился восстановления управлений госбезопасности во всех городах и районах, назначения работников госбезопасности в НИИ, на предприятия и в учреждения, имеющих оборонное или какое-либо другое важное значение. Органы госбезопасности были восстановлены на железнодорожном, морском и воздушном транспорте, а также в армии и военно-морском флоте. Вновь стали просматриваться письма людей, почта различных организаций. Восстановлена система «активистов», «информаторов», а проще, доносчиков в коллективах предприятий, учреждений, по месту жительства. Опять началось прослушивание телефонных разговоров, как местных, так и междугородних. Прослушивались не только телефоны. С помощью техники КГБ знал все, что говорилось на квартирах и дачах членов руководства партии и правительства. Как-то в личном разговоре Ю.В. Андропов сказал: «У меня на прослушивании телефонных и просто разговоров сидят молодые девчата. Им очень трудно иногда слушать то, о чем говорят и что делается в домах людей. Ведь прослушивание ведется круглосуточно...»

Органы госбезопасности фактически стали бесконтрольными. Конечно, ни о какой гласности или критике их и речи быть не могло. Ю.В. Андропов через Л.И. Брежнева добился того, что КГБ из комитета при Совете Министров СССР стал Комитетом госбезопасности СССР. То есть никому не подчиненной организацией, полностью самостоятельной, фактически подведомственной только Генеральному секретарю ЦК КПСС. Органы госбезопасности практически стали над правительством и даже, в известной мере, над партией. Руководители комитетов и управлений стали неперемненными членами руководящих партийных органов в центре и на местах. Повысилась роль, место КГБ в системе государства. Они стали активнее проявлять себя в делах охраны страны, в выработке ее внутренней и внешней политики.

* * *

Андропов нетерпимо относился к любого рода отступлениям от политической линии партии, к любого рода инакомыслию, диссидентству, не говоря уже о проявлениях антипартийности, антисоветизма. Органы государственной безопасности вели большую работу по внешней разведке, по выявлению и пресечению деятельности в СССР иностранных разведок, их внешней и внутренней агентуры. Они постоянно осуществляли контроль за средствами массовой информации, положением в творческих организациях, в театрах, издательствах. Постоянно анализировались настроения людей в коллективах и по месту жительства. Особое внимание уделялось поведению групп и отдельных лиц, выезжавших за границу.

К лицам, высказывающим отрицательное отношение к советскому строю, к КПСС, принимались профилактические меры: с ними велись беседы в комитете и управлениях КГБ,

брались подписки о прекращении ими антисоветских и антиобщественных действий. Когда эти меры не помогали, принимались административные меры, предусмотренные законом.

Об академике А.Д. Сахарове писали и говорили (в том числе и он сам), что его отправили в г. Горький якобы потому, что он протестовал против ввода советских войск в Афганистан. Но, как сообщал Ю.В. Андропов, трудности с ним начались значительно раньше. Еще в конце шестидесятых, а потом в семидесятые годы он создавал неофициальные группы и комиссии по контролю за запрещением испытаний ядерного оружия, комиссию по защите прав человека. У него на квартире собирались группы антисоветски настроенных людей, приглашались иностранные корреспонденты, которые на весь мир пропагандировали такую деятельность Сахарова и его жены Е. Боннер. А деятельность эта была направлена на подрыв устоев Советского социалистического государства, положения и роли КПСС в обществе.

С А.Д. Сахаровым много раз велись беседы в комитете госбезопасности, в Академии наук СССР, в ЦК КПСС. Его уговаривали (в том числе Л.И. Брежнев) прекратить антисоветскую деятельность, заняться наукой. Но ничего не помогало. Для того, чтобы прервать связи с иностранными корреспондентами и дипломатами, которые использовали эти связи в целях дискредитации нашей страны за рубежом, КГБ и прокуратурой СССР было принято решение переселить А.Д. Сахарова и его жену Е. Боннер в г. Горький, предоставив ему возможность заниматься научной деятельностью.

О писателе А.И. Солженицыне. Еще во времена Н.С. Хрущева по предложению А. Твардовского была опубликована его повесть «Один день Ивана Денисовича». Другие его произведения на т. н. лагерную тему у нас не печатались. Однако через посредство иностранных корреспондентов и дипломатов «Архипелаг ГУЛАГ» и другие подобные произведения попали за рубеж, где стали печататься большими тиражами, в том числе и на русском языке. Они засылались в нашу страну и ходили по рукам.

А. Солженицын имел в Москве широкие связи с иностранцами на антисоветской основе. Как говорил Ю.В. Андропов, с Солженицыным велось много разговоров о вреде его деятельности для Советского Союза, но это не имело никакого воздействия. Он усиливал свои связи с иностранцами, снабжал их враждебными нашей стране материалами. Тогда КГБ СССР, по согласованию с прокуратурой, Президиумом Верховного Совета СССР и ЦК КПСС принял решение выдворить его за пределы страны и лишить советского гражданства.

Потом Ю.В. Андропов рассказывал, что когда вызвали Солженицына в КГБ, он пришел в старом полушубке, грубых башмаках и шапке, как для отправки в колонию. В КГБ ему сказали, что такой маскарад не нужен. Он был переодет в нормальный костюм, отвезен в аэропорт и на самолете доставлен в Западный Берлин, откуда потом переехал на постоянное жительство в США.

О Ростроповиче и Г. Вишневской. Как мне говорили, Вишневская – человек очень неуживчивый, с большими претензиями, тяжелым характером. У нее сложились напряженные отношения с коллективом Большого театра. Надо полагать, она влияла на своего мужа. Они часто выезжали за рубеж на гастроли. Из одной из таких гастрольных поездок Ростропович и Вишневская не вернулись в Союз и вскоре поселились в США. Ю.В. Андропов рассказывал на Политбюро ЦК, что Вишневская выступала там в печати с осуждением советского строя, клеветала на порядки в нашей стране, жизнь советских людей и т. д. Попытки наших посольств в Англии и США повлиять на супругов, побудить их возвратиться на Родину ни к чему не привели. Решением Президиума Верховного Совета СССР Ростропович и Вишневская были лишены советского гражданства.

Об Э. Неизвестном. Отношение к нему и его творчеству было неоднозначным. Одни не принимали его абстрактного искусства, другие положительно относились к нему, как талантливому скульптору. В Мосгорисполкоме и горкоме партии отношение к нему было в общем благожелательным. Узнав, что Э. Неизвестный подал заявление о выезде в Израиль, я попро-

сил работников Управления культуры Мосгорисполкома и отдела культуры горкома партии поговорить с ним и постараться убедить не уезжать из страны. После товарищи сообщили мне, что при разговоре с ними Э. Неизвестный заявил, что уезжает в Израиль по своему желанию, что «это зов Родины». Как потом стало известно, он в Израиле не задержался и перебрался в США. В июне 1989 года приезжал в Москву, о нем писали газеты, он выступал по телевидению, было видно, что он доволен своей судьбой.

О Ю. Любимове. Он нередко выезжал за границу, в разных странах ставил спектакли. В Париже намеревался поставить оперу «Пиковая дама» Чайковского в обработке Шнитке. С осуждением этого намерения выступили многие музыкальные деятели Москвы. В «Правде» появилась статья дирижера Большого театра А. Жюрайтиса, в которой он обвинил Ю. Любимова в кощунстве, надругательстве над великим произведением великого композитора. Из очередной поездки в Италию, куда он отправился с молодой женой-венгеркой, Ю. Любимов отказался вернуться в СССР. Попытки работников Советского посольства в Риме склонить его к возврату домой успеха не имели.

Потом поступила информация Ю.В. Андропова о том, что Ю. Любимов, находясь в Италии, дает газетам интервью антисоветского содержания. По предложению КГБ Президиум Верховного Совета СССР лишил его советского гражданства. Потом Ю. Любимов принял гражданство Израиля. В 1989 году ему восстановили Советское гражданство. Теперь он и особенно его друзья представляют его как «страдальца», «борца за правду» и т. д. В газетах и журналах печатаются статьи, прославляющие Ю. Любимова и ругающие на все корки тех, кто якобы его преследовал. На самом деле он не получал поддержки в органах министерства культуры лишь при постановке спектаклей, противопоставляющих органы государства и партийного руководства массам, народу. Это не поддерживалось и органами КГБ. Мы в горкоме партии больше всех занимались театром на Таганке, пытались помочь Ю. Любимову. Он не раз заверял горком партии, меня как секретаря МГК, что будет всемерно помогать партии в ее идеологической работе. Об этом в архиве горкома имеются его письма. Но по-прежнему продолжал проводить свою линию в театре. Это осложняло наше положение (горкома партии и меня), но мы продолжали поддерживать Ю. Любимова.

Больше я не припомню случаев, когда бы из Москвы органами КГБ кто-то выдворялся за границу. Были случаи, когда люди уезжали из страны по своему желанию, были невозвращенцы из числа дипломатических работников и даже сотрудников госбезопасности (чаще всего связанные с деятельностью иностранных разведок).

* * *

Когда здоровье Ю.В. Андропова ухудшилось (он страдал тяжелой болезнью почек), он переселился в Кунцевскую больницу. При Ю.В. Андропове, как и при Л.И. Брежнев, фактически решала основные вопросы развития страны узкая группа лиц. В нее входили А.А. Громыко, Д.Ф. Устинов, Н.А. Тихонов, К.У. Черненко. В последние 3 месяца своей жизни Ю.В. Андропов включил в эту группу и меня.

Сейчас много пишут о том, что якобы Андропов сориентировался на Горбачева, как на своего преемника на посту руководителя страны. В частности, об этом говорит и пишет А.И. Вольский, который был помощником Ю.В. Андропова. Должен сказать, что в узкий круг руководителей партии Андропов Горбачева не включал, никогда не упоминал его как возможного преемника на посту руководителя партии, ничем не выделял среди других членов Политбюро.

К.У. Черненко. Болезнь прогрессировала...

После смерти Ю.В. Андропова Генеральным секретарем ЦК КПСС был избран Константин Устинович Черненко по предложению Предсовмина Н.А. Тихонова, А.А.Громыко, В.М. Чебрикова и других. Будучи человеком порядочным и добрым, он, к сожалению, не обладал необходимым опытом самостоятельной работы, нужным для политика такого масштаба как Генеральный секретарь ЦК КПСС, руководитель СССР.

На этом высоком посту он проработал недолго. Константин Устинович был болен. Он давно страдал одышкой. Ему было затруднительно говорить, казалось, что не хватает воздуха. Болезнь прогрессировала. Вскоре он был помещен в больницу, где и провел последние месяцы своей жизни.

Шла подготовка к выборам в Верховный Совет РСФСР. Константин Устинович вновь был выдвинут кандидатом в депутаты по Куйбышевскому избирательному округу Москвы. По вопросам предстоящих выборов и просто чтобы навестить больного, я не раз посещал его в больнице. Выглядел он все хуже и хуже, болезнь прогрессировала. Предстояло предвыборное собрание избирателей Куйбышевского избирательного округа. Константин Устинович подготовил речь на встрече с избирателями, но произнести ее уже не смог. Он поручил мне зачитать его речь на собрании избирателей, что я и сделал.

Собрание проходило в Кремле, на нем присутствовали члены, кандидаты в члены Политбюро и секретари ЦК КПСС. Все сожалели, что не смог присутствовать К.У. Черненко, все желали ему выздоровления.

Я чувствовал недовольство М.С. Горбачева, что речь Генеральный секретарь поручил прочесть мне, а не ему, хотя планировалось, что ее зачитает Горбачев.

Болезнь брала свое, и в марте 1985 года Константина Устиновича Черненко не стало. Состоялись похороны на Красной площади. На траурном митинге я выступал с прощальной речью, в которой от имени коммунистов и трудящихся Москвы выразил соболезнование в связи с этой утратой.

М.С. Горбачев. Шесть лет предательства

Впервые я встретился с четой Горбачевых на отдыхе в Железноводске в начале 70-х годов. Конечно, я знал, что существует 1-й секретарь Ставропольского крайкома КПСС М.С. Горбачев, но лично с ним знаком не был. В то время он и его жена произвели на меня хорошее впечатление. Он был молод, энергичен, вел себя раскованно, без лести и подобострастия, но в то же время был радушен и гостеприимен. Надо отметить, что многие партийно-государственные руководители отдыхали и лечились в этом районе Кавказа, и Горбачев, как тогда полагалось, встречался с ними, уделял им внимание.

В 1978 году, после неожиданной смерти члена Политбюро ЦК, секретаря ЦК КПСС по сельскому хозяйству Ф.Д. Кулакова на заседании Политбюро ЦК Л.И. Брежнев предложил избрать на место секретаря ЦК, ведающего вопросами сельского хозяйства, Горбачева. Возражений со стороны членов Политбюро не последовало, т. к. Ставропольский край был одним из важнейших центров производства с/х продукции и дела там шли неплохо. Ф.Д. Кулаков раньше возглавлял этот крайком партии, и после его смерти логично было выдвижение Горбачева, тем более, что по анкетным данным он подходил для этой работы – имел юридическое образование, опыт комсомольской и партийной работы, был молод, а, следовательно, имел перспективу роста.

Состоявшийся вскоре пленум ЦК поддержал предложение Политбюро и избрал его секретарем ЦК КПСС. В течение почти 9 лет мне довелось видеть его на заседаниях Политбюро, секретариата ЦК, встречаться с ним по вопросам обеспечения г. Москвы с/х продукцией. Та активность, с которой он начал работу в качестве Генерального секретаря ЦК КПСС в 1985 году, совершенно не проявлялась в прежней его роли. На заседаниях он, как правило, отмалчивался, поддакивал Генеральному секретарю ЦК, со всеми предложениями соглашался. Я никогда не слышал из его уст каких-либо новаторских предложений, несогласия по какому-либо вопросу. Если он и выступал на Политбюро по вопросам с/х, то выступления были, как правило, серенькие, поверхностные, не содержащие каких-либо предложений по кардинальному улучшению работы на том участке, за который он отвечал. Складывалось впечатление, что он ни с кем не хотел портить отношения.

Как уже говорилось, много мифов ходит о том, что Ю.В. Андропов ориентировался на Горбачева как на будущего своего преемника. Думаю, что эти публикации носят конъюнктурный характер. Как бывший член Политбюро, должен сказать что ни одного свидетельства, что Ю.В. Андропов готовит в преемники Горбачева, мы, члены Политбюро не имели.

* * *

Активность М.С. Горбачева резко возросла в 1984–1985 гг. при Черненко. Уже тогда фактически сформировалась группа в руководстве партии, которая решила взять власть в свои руки. На мой взгляд, в эту группу вошли Горбачев, Лигачев, Рыжков, а также поддерживающие их Соломенцев и Чебриков. Видя неизбежность кадровых перемен в связи с очевидной неизлечимой болезнью Черненко, они, используя свои возможности в аппарате ЦК и КГБ, фактически обеспечили избрание Горбачева на должность генерального секретаря ЦК КПСС, тем самым укрепив свое положение в руководстве. Самой активной фигурой в этом деле был Лигачев – секретарь ЦК КПСС по кадрам. В течение 1983–1984 гг. ему удалось расставить на ключевые посты первых секретарей обкомов и крайкомов КПСС около 70 процентов своих людей, которые готовы были выполнить любое его указание, обеспечить арифметическое большинство при голосовании на пленумах ЦК по любому вопросу.

Эта группа, не имея достаточного опыта политической и организационной работы, понимала, что члены Политбюро, имеющие большой опыт работы были помехой в их честолюбивых устремлениях. Поэтому сразу после избрания Горбачева на пост Генерального секретаря ЦК была развернута дискредитация с использованием средств массовой информации ряда товарищей, занимавших ответственные посты. В том числе и меня. Достаточно посмотреть подшивки газет и журналов этого периода, чтобы понять это. Причем тогда еще не существовало понятия «гласность», и все публикации санкционировались, а зачастую организовывались в аппарате ЦК КПСС.

Не сумев ничего создать, эти деятели сумели все развалить, причем добились в этом грандиозных результатов. После трагического августа 1991 года стало ясно, что Горбачев, Шеварнадзе, Яковлев и их сторонники выполняли определенный политический заказ на уничтожение коммунистической партии, великого социалистического государства, социализма и социалистической идеологии вообще. Полностью «талант» Горбачева раскрылся в момент необходимости принятия сложных, непопулярных решений. Вспомним события в Вильнюсе, Баку, Тбилиси. Пролилась кровь, погибли люди, а руководитель государства, как трусливый заяц, прятался за спины товарищей. Люди так и не дождались ответа, чья вина за эту кровь. А кровь эта на совести Горбачева, который своими, мягко говоря, непродуманными действиями или преступным бездействием довел ситуацию до критической отметки, до гибели людей, а когда надо было отвечать, подставлял других. Шесть лет его руководства – это шесть лет предательства товарищей по партии, всех коммунистов, уничтожения великого государства, создававшегося не только в последние 70 лет, но и в течение веков, трудом многих поколений людей.

Когда расстреливали Чаушеску и травили больного Хоннекера, Горбачев ничего не сделал, чтобы остановить это. Предатель и трус – вот психологический портрет Горбачева.

Сегодня, пережив трагедию уничтожения СССР, понимаешь, что много было сделано ошибок, что уставные принципы партии позволили предателям и пустышкам типа Горбачева пролезть в руководство КПСС в карьеристских целях и уничтожить партию, государство.

Но я верю в великую созидательную силу русского народа, верю в то, что вековая мечта о социальной справедливости восстановит авторитет Коммунистической партии и притягательную силу социалистических и коммунистических идеалов, позволит воссоздать великое государство.

А.Н. Косыгин. Добрая память

Алексей Николаевич Косыгин многие годы работал на крупных государственных постах. В годы Отечественной войны являлся членом Государственного комитета обороны, выполнял ответственные поручения комитета в блокадном Ленинграде по вещевому и продовольственному обеспечению Советской Армии и города. Был Председателем Совета Министров РСФСР, министром легкой промышленности СССР, председателем правления Госбанка СССР, председателем Госплана, заместителем Председателя, а с 1964 года – Председателем Совета Министров СССР. Много лет избирался в состав Президиума, потом в Политбюро ЦК КПСС. А.Н. Косыгин много сделал для развития экономики страны, повышения благосостояния советских людей. Его искренне уважали. Он пользовался большим авторитетом в нашей стране и за ее пределами.

У меня сложились хорошие, товарищеские отношения с Алексеем Николаевичем. Как председатель ВЦСПС, я часто встречался с ним в Кремле (тогда он был зам. Председателя Совмина СССР) для согласования бюджета социального страхования, решения вопросов развития сети санаториев и домов отдыха, строительства рабочих клубов и домов культуры, по другим проблемам профсоюзов, улучшения условий труда и быта трудящихся. Будучи Председателем Совмина СССР, он не раз встречался с председателями ЦК и Совета профсоюзов, выступал перед ними.

В мою бытность первым секретарем МГК КПСС я постоянно получал помощь от Председателя Совмина СССР в решении задач реконструкции московской промышленности, транспорта, улучшения строительства, снабжения населения продовольственными и промышленными товарами. Он много лет избирался депутатом Верховного Совета СССР от Москвы, часто посещал предприятия, особенно легкой промышленности, магазины, помогал в решении вопросов развития города.

А.Н. Косыгин был внимательным и чутким человеком. Его отличали высокая культура, добросердечность, порядочность, общительность. Неоднократно мы семьями отдыхали рядом на дачах в Крыму, в санаториях Барвиха, Утес. Имели общих друзей. У него была хорошая семья, сам он был примерным семьянином. Добрая память осталась о жене Алексея Николаевича – Клавдии Андреевне. На отдыхе она была организатором наших встреч, вечеров песни и музыки. Зять А.Н. Косыгина – Д.М. Гвишиани хорошо играл на различных инструментах. Мы пели русские песни.

Однажды в июле на отдыхе в Крыму мы отмечали день рождения моей дочери Ольги. Вечер мы семьями провели у нас на даче. В другой раз, проводя свои отпуска в Крыму, мы с А.Н. Косыгиным и находившимся неподалеку на отдыхе Н.В. Подгорным на сторожевом катере ездили в Севастополь на праздник, посвященный дню Военно-морского флота. Где-то во второй половине 70-х годов мы вновь оказались вместе на отдыхе в санатории «Волжский Утес», что на берегу Куйбышевского водохранилища. Наши номера находились один над другим. Питались в общей столовой. Вместе ходили на пляж, где был установлен междугородний телефон ВЧ. Большую часть времени Алексей Николаевич проводил за телефонными разговорами с руководителями республик, краев и областей. Шла уборка урожая и закупка зерновых.

Алексей Николаевич Косыгин, крупный государственный деятель нашей страны, хорошо вел государственные дела, глубоко знал экономику Советского Союза и умело руководил ею. Конечно, имел широкие связи с министрами, руководителями союзных, республиканских и местных хозяйственных органов, предприятий, НИИ и КБ. Вел дружбу с видными деятелями культуры, музыкантами и композиторами, художниками и артистами. Хорошо

знал литературу, искусство. Находясь на отдыхе и встречаясь, мы часто с ним говорили о литературе.

* * *

Став в 1964 году Председателем Совета Министров СССР, А.Н. Косыгин быстро вошел в свою новую роль. Это было нетрудным для него делом, ибо он прекрасно знал проблемы в народном хозяйстве страны, обладал хорошей подготовкой и большим опытом хозяйственной и государственной работы. Он сразу принял меры по улучшению планирования развития экономики и культуры страны. В соответствии с решениями ЦК КПСС, общим настроением в стране было укреплено отраслевое управление развитием экономики. Упразднены совнархозы и созданы Министерства. Это позволило ускорить темпы роста производства, активнее развивать науку, научно-технический прогресс. По инициативе ЦК КПСС, Л.И. Брежнева, Советом Министров была разработана и осуществлена реформа в сельском хозяйстве, изменен порядок планирования и закупок сельскохозяйственных продуктов в интересах колхозов и совхозов, восстановлено право колхозников и рабочих совхозов иметь приусадебные земельные участки и подворье в личном хозяйстве, повышена материальная заинтересованность тружеников сельского хозяйства в увеличении производства продукции полеводства и животноводства.

В семидесятых годах была разработана и осуществлялась общесоюзная программа решения продовольственной проблемы. Под руководством А.Н. Косыгина была разработана и начала осуществляться программа подъема сельского хозяйства нечерноземной зоны РСФСР. В промышленности проводились реконструкция старых и строительство новых, современных предприятий. По его инициативе были сооружены такие крупные комплексы как Волжский автомобильный завод в городе Тольятти, КАМАЗ в Набережных Челнах, осваивались новые месторождения нефти и газа, осуществлено строительство гигантских нефте- и газопроводов из Сибири в центральную часть страны и некоторые европейские государства. В это время было начато строительство Байкало-амурской магистрали. Теперь нередко ругают эту великую стройку. А зря. Верно, что при ее строительстве столкнулись с непредвиденными трудностями. Но эта магистраль жизненно необходима для страны. Она позволит соединить второй ниткой железной дороги Дальний Восток со всей страной, что очень важно как для экономики государства, так и для оборонных целей. И, что не менее важно, позволит развивать хозяйственную деятельность в Восточной Сибири. При активном участии А.Н. Косыгина были созданы новые отрасли промышленности, крупные научные центры в ряде регионов страны.

Много внимания уделял А.Н. Косыгин вопросам улучшения жизни граждан страны, культурно-бытовому строительству, обеспечению населения продовольствием и промышленными товарами. Хорошо зная вопросы экономики и финансов, Алексей Николаевич принимал меры по улучшению организации производства и труда людей. Под его постоянным контролем находились финансы государства. Ежегодные и пятилетние планы правительством представлялись в Политбюро, а затем в Верховный Совет СССР, всесторонне сбалансированными. Объемы выпуска продукции увязывались с ростом мощностей производства, материально-техническим снабжением, с потребностями и реализацией изделий. Доходы государства всегда на 3–5 % превышали расходы, и тем создавался резерв средств для возможного финансирования непредвиденных работ. Дефицита в бюджете не допускалось. Если появлялась необходимость увеличения выпуска денег (эмиссии), то устанавливали самый короткий срок изъятия из оборота соответствующего количества денег. Причем за этим устанавливался жесткий контроль, каждый случай эмиссии и изъятия из оборота рассматривался на заседаниях Совета Министров, докладывался Политбюро ЦК КПСС. Внеш-

ней финансовой задолженности практически не допускалось. Напротив, все социалистические и многие развивающиеся страны были должниками Советского Союза за поставленные материалы, оборудование, оказание различных услуг. Займы в валюте у банков капиталистических стран составляли не более 5–7 млрд, долларов, и, учитывая высокий процент, возвращались своевременно. Таким образом создавалось твердое финансовое положение в государстве.

А.Н. Косыгин тщательно следил за строгой сбалансированностью товарно-денежных отношений в стране. Требовал от Госплана и Минфина, других министерств наиболее полного обеспечения выдаваемых населению денег товарными ресурсами. Каждому министерству, республике, а затем предприятиям и всем организациям устанавливали твердый фонд зарплаты (на год и пятилетку), тоже рассчитанный и обеспеченный товарной массой. Никто не мог зависить установленный фонд зарплаты. А если этого увеличения требовали непредвиденные обстоятельства, правительством одновременно принимались меры по увеличению товарной массы на соответствующую сумму.

А.Н. Косыгин выступал за развитие внешнеэкономических связей нашей страны с социалистическими и капиталистическими странами. Через СЭВ осуществлялись межгосударственные специализация и кооперация производства и поставок различной продукции на сбалансированной основе. С капиталистическими странами развивались двухсторонние торгово-экономические отношения. Наряду с сырьевыми товарами, на внешний рынок все больше выходили продукция машиностроения, приборостроения и других несырьевых отраслей.

А.Н. Косыгин смело шел, наряду с закупками в капитальных странах современного оборудования и технологий, на приобретение товаров народного потребления, что способствовало насыщению нашего внутреннего рынка товарами и сбалансированию внутреннего бюджета. Это было выгодно государству и способствовало удовлетворению спроса внутреннего рынка.

* * *

А.Н. Косыгин поддерживал рабочие и товарищеские отношения со своими коллегами по работе в Совете Министров СССР и в Политбюро ЦК. С большим уважением относились к нему руководители республик, краев и областей страны. Но он не заигрывал с людьми. Он был требователен и принципиален в отстаивании своих взглядов и убеждений. Наверное, именно в силу этих причин у него сложились натянутые отношения с Л.И. Брежневым. Последний, видимо, ценил его опыт, умение руководить правительством, но не хотел мириться с его независимостью, ярко выраженным чувством собственного достоинства. Надо полагать, что на их отношениях сказывалось и то, что А.Н. Косыгин пользовался большим авторитетом в народе, что не устраивало Л.И. Брежнева с его амбициями. Он хотел быть один на самом вершине и не желал ни с кем делить авторитет и власть первого лица в партии и стране. А.Н. Косыгин, в свою очередь, считал себя более подготовленным, более опытным и эрудированным руководителем, стоящим на голову выше Л.И. Брежнева, и не хотел мириться с его претензиями на абсолютное первенство в руководстве страной. Думаю, что А.Н. Косыгин как Председатель Совмина СССР хотел быть на равных с Генеральным секретарем ЦК КПСС. Вот это обстоятельство и лежало в основе натянутых отношений между двумя руководителями, которые проявились уже сразу после октябрьского пленума ЦК КПСС 1964 года.

Через пару дней после описанного мной выше инцидента, при принятии эстафеты мира в Лужниках, видимо, желая сгладить неприятный осадок от этой размолвки, А.Н. Косыгин пригласил Л.И. Брежнева на обед на дачу в Архангельское. Были приглашены также т.

Шелепин, Демичев и я. Хозяйка дома, Клавдия Андреевна, усадив всех за стол, предложила мне быть тамадой. Л.И. Брежнев был не в настроении. Он сказал, что давайте лучше пообедаем, есть хочется. За столом вяло шел разговор о прошедшем пленуме. А.Н. Косыгин старался смягчить натянутость обстановки, но Л.И. Брежнев больше молчал. Совместный обед, попытка А.Н. Косыгина смягчить натянутость отношений с Л.И. Брежневым не привели ни к чему. Недоверие, подозрительность, недружественность сохранились между двумя руководителями до конца их дней. А.Н. Косыгин как человек интеллигентный, умный, никогда открыто не выражал своего отрицательного отношения к Л.И. Брежневу, хотя на заседаниях Политбюро ЦК высказывал свою точку зрения на различные проблемы, отличную от суждений Генсека. Тогда как Л.И. Брежнев практически не скрывал своих антипатий к Председателю Совмина СССР и за его спиной (и это Алексей Николаевич знал) высказывал нелестные отзывы о нем как о работнике и как о человеке.

По всему было видно, что Л.И. Брежневу было трудно сработаться с А.Н. Косыгиным, который всегда подчеркивал свою независимость, самостоятельность, несогласие с стремлением Л.И. Брежнева к единовластию. Однако поставить вопрос об отстранении А.Н. Косыгина от руководящей роли в партии и в стране он не решался, понимая, что авторитет Председателя Совмина СССР в партии и народе высок, и сама постановка такого вопроса могла вызвать большие осложнения.

* * *

В конце 70-х годов А.Н. Косыгин перенес инфаркт миокарда. Он долго болел. Я встретился с ним в санатории «Барвиха», где проводил свой отпуск, а Алексей Николаевич находился на так называемой реабилитации. Он много гулял в парке, поднимался по лестнице, пытаясь показать себя выздоровевшем. Но состояние здоровья ухудшилось. Е.И. Чазов, начальник четвертого главного управления Минздрава СССР, как-то сказал мне, что удивляется как еще держится А.Н. Косыгин. У него совершенно утонченные сердечные мышцы.

Вскоре Л.И. Брежнев заменил на посту Председателя Совмина СССР А.Н. Косыгина Н.А. Тихоновым. А.Н. Косыгин недолго побыл на пенсии, болел и вскоре скончался. На Политбюро ЦК решили похоронить Алексея Николаевича на Красной площади (в Кремлевской стене). Похороны были организованы так же, как и других бывших руководящих деятелей страны.

Я искренне переживал смерть А.Н. Косыгина. У меня навсегда осталась о нем добрая память.

Часть 2

Мемуары

Родился я 18 сентября 1914 года в городе Серпухове Московской области. В нашей семье, кроме меня, была моя сестра Нина. В то время мой отец – Василий Иванович Гришин, токарь по специальности, работал в Туле на патронном заводе, а затем в мастерской паровозного депо станции Серпухов. Моя мать, Ольга Александровна Гришина была домохозяйкой, а когда мы, ее дети, подросли, стала работать на текстильной фабрике имени В.П. Ногина.

Мое раннее детство совпало с тяжкими годами первой мировой войны, а затем гражданской войны и иностранной интервенции. Молодая советская республика напрягала все силы для защиты свободы, революционных завоеваний советской власти. Всем было трудно, голодно.

Наша семья жила на частной квартире в доме врача железнодорожной больницы А.М. Кудрявцева. В этом доме на Ивановской линии Нефедовского поселка было три квартиры. Одну занимала семья владельца дома, в двух других жили мы и семья железнодорожника М.П. Макурина. В каждой семье было по четыре человека. Жили дружно, дети учились в железнодорожной школе.

Мое детство и юность прошли под гудки паровозов, шум проходящих поездов. Дом находился всего в пятидесяти-семидесяти метрах от паровозного депо, рядом с железнодорожными путями, соединяющими станции Серпухов-1 и Серпухов-2. Так что днем и ночью, в будни и в праздники грохотали паровозы, стучали по рельсам поезда. Но никто из нас шума не замечал.

Наоборот, вечное движение железной дороги будоражило воображение, манило неведомыми далями. Среди машинистов были знакомые, соседи, мне иногда удавалось прокатиться на паровозе, и это было большим удовольствием. Так я полюбил все, что было связано с железной дорогой: паровозы казались мне живыми существами, запах мазута и дыма – естественными запахами родного дома, так что потом даже грустил, когда приходилось куда-либо уезжать. Научился уважать труд железнодорожников, полюбил этот труд и впоследствии уже не мыслил себя вне его.

В те далекие годы через станцию Серпухов проходили поезда с грузами для фронта, воинские эшелоны. Они иногда надолго останавливались на запасных путях, и я с любопытством и мальчишеской завистью рассматривал красноармейцев в буденовках и длинных шинелях, лошадей в вагонах, армейские повозки и орудия на платформах. Нередко здесь играла гармошка, красноармейцы пели песни. Ошеломляющее впечатление на меня и моих товарищей произвел однажды остановившийся на станции бронепоезд, грозно остетинившийся пушками и пулеметами. Как завидовали мы его экипажу – молодым, веселым людям... А потом подобный бронепоезд вошел в песню, сделав ее близкой навсегда: «Мы мирные люди, но наш бронепоезд стоит на запасном пути!»

Вообще о песнях надо сказать особо... Звонкие, оптимистичные, мелодичные, они вошли в наши молодые сердца естественно, вместе с новой жизнью, вселяли уверенность, бодрость, звали на большие дела – как наше поколение, так и последующие. Вслед за красноармейцами мы распевали их дома и в школе, в пионерских лагерях и колоннах на праздничных демонстрациях. Мы не знали их создателей и они были для нас народными, впрочем оно так и было, ибо такие песни, как «Смело, товарищи, в ногу!», «Мы кузнецы», «Возьмем винтовки новые», «Проводы», «Мы, красная кавалерия», «По долинам и по взгорьям», «Взвейтесь кострами», «Там вдали за рекой» и многие другие стали народными.

Советские песни тех лет сыграли важную роль в деле становления и укрепления советской власти, они действительно ощутимо «строить и жить помогали».

Песни-марши, песни-баллады, песни-рассказы, песни-лозунги звали на подвиги, помогали выстоять, бороться с трудностями. Рядом с этими новыми песнями жили и русские народные песни, романсы, которые пел народ на семейных праздниках, на молодежных гуляниях. И позже, научившись играть на гитаре, вместе со всеми я пел любимые моей мамой «Пряху», «Однозвучно звенит колокольчик», «Белую акацию» и другие.

* * *

В школу, находившуюся в километре от дома, удобнее было ходить по дороге между Нефедовским поселком и железной дорогой, но я предпочитал пройти мимо паровозного депо, через станцию, по запасным путям Южного парка. Мне нравилось наблюдать, как работают люди, смотреть на идущие поезда. Зимой же я чаще пользовался шоссейной дорогой, т. к. она тогда не очищалась от снега, и можно было бежать в школу на коньках. С самого раннего возраста я любил кататься на коньках. Став взрослым, был участником многих соревнований по скоростному бегу, занимал призовые места. Вообще любил спорт и занимался им с детских лет.

В школе я учился хорошо, старался не отставать от сверстников. До сих пор с благодарностью вспоминаю моих первых учителей – Серафиму Илларионовну Васильеву, Веру Адольфовну Якуцевич, М.М. Захарова, директора А.М. Яковлева.

В конце 1922 года на железнодорожном узле при активном участии школы был создан пионерский отряд. Я в числе первых был принят в пионеры, стал ходить с красным пионерским галстуком. Отряд часто проводил сборы, устраивались походы, разучивались и пелись революционные и патриотические песни. В пионерском отряде и в школе мы получили первую революционную закалку, понимание происходящих событий в стране и в мире, воспитывались в духе любви к Советской Родине, В.И. Ленину, партии, народной власти, новому строю, нам прививали классовое отношение к капитализму, буржуазии, эксплуатации и угнетению. В отряде часто бывали и вели с нами беседы коммунисты, участники Октябрьской революции и гражданской войны. Тогда велась борьба за всеобщую грамотность, против буржуазной идеологии и пережитков прошлого, против религии, пьянства, за высокую мораль, за культуру. Центром пионерской работы был железнодорожный клуб. Здесь проходили собрания, сборы, начинались походы. Немало мероприятий проводилось и в школе. Первым вожатым отряда был комсомолец Виктор Михайлович Фомичев – высокий, стройный, кудрявый, всегда доброжелательный и веселый человек. Он уделял нам много внимания, проводил сборы, организовывал походы. Все ребята любили своего вожатого. Летом он вместе с отрядом выезжал (а лучше сказать выходил) в пионерский лагерь.

Первый такой лагерь был организован в 1923 году километров за 10–15 от города, в сосновом лесу на берегу р. Оки, недалеко от деревни Лужки. Место было прекрасное: сосновый бор, высокий берег реки, широкая красавица Ока, все отлично подходило для лагерной жизни. Размещались в палатках, охрану лагеря по ночам несли сами пионеры с деревянными ружьями в руках. Повар готовила обеды, завтраки и ужины в сложенной из кирпичей печи под тесовым навесом. Раз в 5–7 дней из города на лошади привозились продукты. Жили не голодно, но без излишеств. Ходили в лес за ягодами, устраивали походы и военные игры, купались, загорали. Время проходило интересно, а потому и быстро. Кончался срок пребывания в лагере, и мы с рюкзаками за плечами пешком возвращались домой. На время оставшейся части каникул при школьном интернате устраивался городской пионерский лагерь. Питались дома. В лагере днем давали только сладкий чай с булкой. Опять-таки устраивались

экскурсии по памятным и историческим местам города, военные игры, походы в лес по азимуту и с компасом, конечно, игры в волейбол, ручной мяч и другие.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.